

Урок № 10

О ТРЕТЬЕМ ЧЛЕНЕ СИМВОЛА ВЕРЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Методические указания к уроку № 10:

В этом уроке следует разобрать и усвоить следующие понятия: в третьем члене Символа веры – причина прибавления слова «вочеловечшася». О Двух естествах в Иисусе Христе и двух волях. О земной жизни Богородицы. Учение Церкви о достоинстве Божией Матери. О тех, кто признал Иисуса Христа, когда Он родился на земле. Чудеса и учение Христа. Условия, при которых могут быть спасительны для нас учение и жизнь Иисуса Христа.

В четвертом члене Символа веры следует разобрать: причины осуждения Иисуса Христа на распятие. Пророчество Иакова и исполнение его. Цель страдания и смерти Спасителя. Понтийский Пилат. Почему его имя вошло в Символ веры. Значение слов «страдавшая и погребенна». Возможность и сила страданий Иисуса Христа при Его Божественном достоинстве. Крестная смерть Спасителя.

Слово *вочеловечшася* прибавлено в Символ веры для того, чтобы показать, что Иисус Христос был совершенным человеком, то есть имел не только тело, но и душу человеческую, со всеми ее свойствами, кроме греха. Слово *«вочеловечшася»* направлено против лжеучителей 1-го века «докетов», которые думали, что Сын Божий имел только «кажущееся» или «призрачное» тело человеческое, а не действительное, и против лжеучителей 4-го века «апполлинариан», утверждающих, что Иисус Христос не имел души человеческой, вместо которой у Него было Божество.

Об этом ясно говорит апостол Павел: «**Єдин ходатай Бога и человек человек Христос Иисус**» (1 Тим. 2,5). Здесь Иисус Христос прямо называется «человеком»; следовательно, Он имел не только тело человеческое, но и душу, или был совершенным человеком.

Потому в Иисусе Христе необходимо признавать *два естества: Божественное и человеческое*. «Естество» значит «природа», природные свойства. Иисус Христос имел от рождения свойства и Божественные и человеческие. **Божественные свойства** в Нем были: вечность, всемогущество, всеведение и проч.; **человеческие свойства**: ощущение голода и жажды, необходимость во сне, ощущение скорби и страданий и сама смерть. Следовательно, в Нем были две природы: Божественная и человеческая. На это указывает самое имя – *Богочеловек*. Это имя еще пророком Исаией предсказано было о Сыне Божиим, родившемся на земле от Девы и соединившем в Своем лице человеческую природу с Божественною (Ис. 7,14). Лжеучители 5-го века, отвергшие эту истину, назывались «монофизитами», они признавали в Иисусе Христе только одно «Божеское» естество и осуждены были на 4-м Вселенском соборе.

В чем отличался от нас Господь Иисус Христос по человечеству?

1. Господь Иисус Христос родился по человечеству сверхъестественным образом

Прикровенное указание на сверхъестественный характер рождения Спасителя содержится уже в словах о “семени жены” (Быт. 3, 15).

Более конкретный характер имеет пророчество Исаяи:

“Итак, Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил” (Ис. 7, 14).

Иудеи, отрицавшие сверхъестественное рождение Господа Иисуса Христа, указывали на неточность греческого перевода. В данном стихе еврейскому слову “альма”, означающему молодую женщину брачного возраста, в греческом тексте Ветхого Завета соответствует слово παρθεννος, то есть “девственница”²⁶. Древние христианские полемисты отмечали, что Исаяя говорит о “знамении”, то есть удивительном, необычном событии. Если бы речь здесь шла о простой женщине, то пророчество оказалось бы лишенным всякого смысла. Мч. Иустин Философ писал:

*“... вы и здесь осмеливаетесь исказить перевод, сделанный вашими старцами при Птолеме, царе Египетском, и утверждаете, что в Писании не так, как они перевели, но «вот молодая женщина будет иметь во чреве», как будто бы великое дело было показано, если бы женщина родила от сокоупления с мужем?”*²⁷

*“Слова: «вот, дева зачнет во чреве» значат, что дева зачнет без сокоупления. Ибо если бы сокоупилась она с кем-нибудь, то не была бы уже дева, – но сила Божия, нашедши на деву, осеняла ее и сделала то, что она зачала, будучи девою”*²⁸.

2. Господь Иисус Христос есть человек безгрешный

Это отличие Господа Иисуса Христа от нас по человечеству является следствием Его сверхъестественного рождения. Вследствие грехопадения прародителей все рождающиеся люди находятся под властью первородного греха. Если бы Христос родился естественным образом, то он также был бы заражен грехом и находился бы, как и прочие человеки, во власти смерти и диавола. Подлинное соединение Божества и человечества во Христе в таком случае было бы невозможно. Вследствие сверхъестественного рождения этот порочный круг разрывается, единым действием Бог и освобождает человечество от власти первородного греха и воссоединяет его с Собой.

Господу Иисусу Христу также была свойственна и совершенная личная безгрешность. За все время Своей земной жизни Господь не совершил ни одного греховного действия и был свободен от всякой внутренней греховности.

Однако по учению Православной Церкви, Господь по Своему человечеству не был свободен по отношению к последствиям грехопадения, то есть той совокупности ограничений, которые были наложены на человеческое естество вследствие преступления прародителей. Спаситель воспринял безгрешную человеческую природу, однако не в том состоянии, в каком она была присуща первозданному Адаму, но свободно подчинив Себя по человечеству последствиям грехопадения, дабы “во всем уподобиться братьям” (Евр. 2, 17). В святоотеческом богословии эти последствия греха называются естественными или безупречными страстями. Св. Иоанн Дамаскин пишет:

*“Естественные же и безупречные страсти суть не находящиеся в нашей власти – те, кои произошли в человеческую жизнь, вследствие осуждения за преступление, каковы – голод, жажда, утомление, труд, слезы, тление, уклонение от смерти, боязнь, предсмертная мука, от коей – пот, капли крови... и подобное, что по природе присуще всем людям”*³⁰.

Равным образом, **соответственно двум естествам**, в Нем были и **две воли**: Божественная и человеческая. И эта истина была отвергаема лжеучителями 7-го века «монофелитами», признававшими в Иисусе Христе одну Божественную волю. Их лжеучение опровергнуто было на 6-м Вселенском соборе.

В Господе Иисусе Христе две воли и два действия

Учение о двух волях и действиях во Христе было разработано в православном богословии в VII веке в контексте борьбы с ересью монофелитства (от μονος – единый, θελημα – воля). В отличие от монофелитов, монофелиты принимали орос IV Вселенского Собора и признавали реальное различие Божествен-

ной и человеческой природ во Христе. Однако при этом они утверждали, что во Христе имеет место единая воля и единое действоование (энергия)⁴⁷.

Признание во Христе единой воли ведет к неприемлемым последствиям. Фактически монофелитство утверждает, что воля есть атрибут не природы, а Лица, тогда как, согласно учению о Пресвятой Троице, воля в Боге является атрибутом не Божественных Лиц, но общей Им природы. Признание во Христе единой Бого-человеческой воли, отличной как от Божественной, так и от человеческой, логично приводит к трибожию, то есть к расщеплению Троицы на трех различных богов.

В случае признания единой воли во Христе – Божественной – человеческое естество Спасителя оказывается лишенным свойственной человеческому естеству активности и предстает как пассивное орудие Божества. Очевидно, что существо, которое не обладает человеческой волей и энергией, невозможно назвать совершенным человеком.

“Природа вне энергии есть просто абстракция, просто отвлеченная сущность, не существующая реально. Если во Христе действует только Божественная воля и энергия, <...> тогда Он всего лишь призрак человека, не обладающий реальным бытием. Тогда человеческая природа не может считаться ни воспринятой, ни исцеленной Божеством”⁴⁸, –

пишет Х. Яннарас.

Согласно вероопределению VI Вселенского Собора, во Христе имеют место *“две естественные воли или хотения, и два естественных действия”*, которые, подобно естествам, соединены *“нераздельно, неизменно, неразлучно, неслиянно”⁴⁹*.

Священное Писание указывает на две воли во Христе:

“Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня. Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет” (Лк. 22, 42).

По Божеству у Отца и Сына одна и та же общая воля. Какая же может быть во Христе воля, отличная от воли Отчей? Естественно, человеческая. Свт. Афанасий Великий комментирует этот евангельский стих следующим образом:

“показывает этим (Христос. – О. Д.) две воли: человеческую, свойственную плоти, и Божескую, свойственную Богу; и человеческая, по немощи плоти, отрекается от страдания, а Божеская Его воля готова на него”⁵⁰.

Человеческую природу Сын Божий воспринял от Пресвятой Девы Марии. Она была Дочь праведных *Иоакима и Анны*, происходивших из *царского* рода Давида, но живших в неизвестности.

Праведные Иоаким и Анна называются «Богоотцами», так как от их Дочери воспринял человеческую природу Сын Божий. Священное писание не сообщает нам подробных сведений о жизни их; эти сведения заимствуются из предания св. Церкви. Именно предание говорит, что Иоаким и Анна, хотя и были происхождения царского, но жили в неизвестности. Отличаясь высокой праведностью, они не имели детей, что у иудеев считалось наказанием Божиим и подвергалось общему презрению. Праведные Иоаким и Анна часто обращались к Богу с усердной молитвою о разрешении их неплодства. И когда однажды, во время глубокой старости их, в праздник обновления храма, первосвященник не допустил Иоакима до принесения жертвы за его бесчадие, а один из иудеев выразил при всех порицание ему за это, старец удалился в пустыню и начал пламенно, со слезами молить Бога о том, чтобы Он избавил его от поношения неплодства, обещаясь посвятить на служение Богу, если родится у него дитя. В то же время и Анна со всем усердием молилась об этом Богу. И молитва их была услышана: оба они удостоились явления Ангела, который возвестил им, что у них родится Дочь, по имени Мария. И действительно, 8-го сентября исполнилось это обещание – родилась Пресвятая Дева. И едва минуло Ей три года, благочестивые родители, согласно своим обещаниям и Ее желаниям, решились посвятить Ее на служение Богу. Созвав своих родных и подруг Пресвятой Девы, они торжественно ввели Ее в Храм Божий. Здесь встретил Ее первосвященник Захария и, по особому откровению Божию, к общему удивлению ввел Ее в «Святая Святых», куда сам первосвященник мог входить только однажды в год.

При Храме, где было несколько комнат особенных для дев и вдов, посвящавших себя на служению Богу, Пресвятая Дева в свободное от молитвы время занималась чтением Священного Писания и рукоделиями. Между тем самая пища приносима была Ей ежедневно Ангелом. Когда исполнилось Ей 14 лет, Она объявила первосвященнику о данном Ею обете навсегда остаться Девкою. И так как родители Ее кончили жизнь вскоре после введения Ее во храм, а по закону Моисееву каждая дева должна была выйти замуж или обру-

читься кому-либо, то первосвященник, по особому указанию Божию, обручил Ее 80-летнему старцу – праведному Иосифу, происходившему из рода Давидова, но жившему в городе Назарет и занимавшемуся древоделием (или плотничеством). Сюда Пресвятая Дева переселилась из Иерусалима и вскоре здесь удостоилась явления Архангела, возвестившего Ей о необыкновенном зачатии Ею Спасителя мира (см. «Жизнь Пресвятой Богородицы», 1860, С-Пб.).

Пресвятой Деве Марии св. Церковь приписывает наименования *Богородицы и Приснодевы*. И эти наименования вполне приличествуют Ей.

Первое приличествует Ей потому, что Сын Божий воспринял от Нее человеческую природу, не переставая быть *Богом*; второе вполне приличествует Ей, потому что Она и после рождения Сына Божия оставалась Девой так же, как она была *Девой* до зачатия и рождения Его.

На первое наименование есть указания в самом Священном Писании. Так Пророк Исаия говорит: «**Се Дева во чреве зачнет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил**» (7,14). Здесь пророк, называя Сына Пресвятой Девы «Еммануилом» или «Бог с нами», показывает чрез это, что Пресвятая Дева может быть называема и почитаема как «Богородица».

Праведная Елизавета, при встрече Пресвятой Девы, назвала Ее «Матерью Господа»: «**Откуда мне сие, да прииде Мати Господа ко мне**» (Лк. 1,43). А это название равносильно наименованию Богородицы.

Православная Церковь почитает Пресвятую Деву *выше* всех сотворенных существ, не только людей, но и Ангелов. Как Матерь Сына Божия по человечеству, Она превосходит благодатью и близостью к Богу, а следовательно, и достоинством все прочие существа. И поэтому св. Церковь почитает Ее выше *Херувимов и Серафимов*. Это видно из священной песни в честь Божией Матери: «**Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога-Слова родшую, сущую Богородицу Тя величаем**».

После восприятия Сыном Божиим человеческой природы от Пресвятой Девы Марии, в это время, когда Иисус Христос родился и жил на земле, многие узнали в Нем Спасителя Мира по особенным обстоятельствам Его жизни.

Так волхвы узнали о Нем по явлению на востоке необыкновенной звезды. Так назывались персидские мудрецы, занимавшиеся астрономией и астрологией. Увидев необыкновенную звезду, они узнали по ее явлению о рождении Иисуса Христа и по направлению звезды прибыли в Иерусалим, а потом в Вифлеем и здесь предложили свои дары новорожденному как Богу, царю и человеку.

Вифлеемские пастыри узнали о нем от Ангелов, которые прямо возвестили им, что в граде Давидовом родился Христос. Это было в ту самую ночь, в которую родился Спаситель мира, так что пастухи вифлеемские первые удостоились узнать о Его рождении от небесных вестников, воспевавших: «**Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!**»

Праведные Симеон и Анна узнали Его по особенному откровению Божию, когда через 40 дней после рождения Он был принесен в храм.

Св. Иоанн Предтеча узнал о Нем во время крещения Его, по сошествию на Него Святого Духа в виде голубя и по гласу с неба: «**Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволюх**» (Мф. 3,17). Наконец, апостолы⁴ и многие другие узнали Его как Спасителя

мира по многим чудесам Его и необыкновенной силе Его учения.

Учение Иисуса Христа возбуждало невольное удивление в слушателях (Мф. 7,28-29; 13,54), а чудеса творил Он Своей собственной Божественной силой и притом в таком количестве, в каком не совершал никто из пророков ни прежде, ни после Него. И Евангелисты описали в своих Евангелиях только особенно замечательные и наиболее известные чудеса, о прочих же делали одни общие замечания, не имея возможности подробно описывать их (Мф. 14,35-36; 15,30-31; 19,2).

Иисус Христос во время общественного служения Своего творил многие чудеса. Так, одним словом Своим или прикосновением руки Он исцелял больных, укрощал бурю, ходил по воде, несколько тысяч человек напитал в один раз пятью, а в другой семью хлебами, наконец, одним словом воскрешал мертвых, именно воскресил дочь Иаира, сына вдовы Наинской, и Лазаря уже на четвертый день после его смерти.

Учение Иисуса Христа состояло главным образом в проповеди о *царствии Божием* и о тех условиях, какие требовались и требуются от человека для вступления в это царство. Первые слова, которыми Иисус Христос начал свое учение, были следующие: «**Покайтесь, приблизится во царствие небесное**» (Мф. 4,17). Потом Он учил о Самом Боге и отношении к Нему человека, о путях к блаженству и гибели, о загробной жизни и проч.

Самое спасение людей Он совершал Своим учением, жизнью и особенно крестной смертью и воскресением из мертвых.

Но учение Иисуса Христа бывает спасительно для нас только тогда, когда мы веруем в Него всем сердцем и стараемся следовать Ему в своей жизни. Как ложное слово диавола, обольстившего первых людей, сделалось началом греха и смерти, так истинное учение Христово, принимаемое верующими, становится в них началом святой бессмертной жизни. На это указывает апостол Петр, когда говорит, что верующие во Христа «**порождени не от семени истлenna, но неистлenna, словом живаго Бога и пребывающа во веки**», т.е. возрождены не от тленного семени, но от нетленного, от Слова Божия, живого и пребывающего во веки (1 Пет. 1,23).

Равным образом и жизнь Его бывает спасительна для нас только тогда, когда мы, по возможности, стараемся подражать Его жизни. Об этом Сам Он говорит: «**Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет**» (Ин. 12,26). Отсюда видно, что последующий Христу в своей жизни получит участие и в Его вечном царстве.

О ЧЕТВЕРТОМ ЧЛЕНЕ СИМВОЛА ВЕРЫ

Четвертый член Символа веры начинается так: (Верую в Господа) *Распятого же за ны при Понтийстем Пилате и страдавша, и погребенна.*

Здесь говорится о распятии, крестных страданиях, смерти и погребении Иисуса Христа.

Что Иисус Христос был осужден на распятие, несмотря на совершенную святость Его жизни, несмотря на множество чудес, совершенных Им, и необыкновенную силу Его учения, это **объясняется завистью и ненавистью к Нему со стороны начальников иудейского**

народа. Завидуя славе Его учения и ненавидя Его за обличение их в ложном учении и беззаконной жизни, они оклеветали Его. Именно оклеветали в том, что Он выдавал Себя за царя и Сына Божия. Последнее признано было богохульством, за которое следовала крестная казнь. И несмотря на явные лжесвидетельства врагов, Иисус Христос предан был крестной смерти.

Это несправедливое осуждение Иисуса Христа на крестную смерть было сделано с согласия римского правителя Иудеи, *Пилата*. О нем упомянуто в Символе веры для того, чтобы показать, что Иудея в то время уже не имела самостоятельных царей из рода *Иуды* и находилась под верховной властью язычников *Римлян*. Понтий Пилат, как сам был язычником, так и служил в Иудее представителем языческого римского императора, под властью которого находилась тогда Иудея. Что касается до царя иудейского Ирода Великого, при котором родился Иисус Христос, то он не был самостоятельным царем, а находился в зависимости от римского императора, притом был не из рода Иуды, а из языческого племени Идумеев.

Это обстоятельство важно в том отношении, что в нем можно видеть исполнение пророчества патриарха Иакова о Мессии: «**Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл Его, дондеже не придут отложенная Емц: и Той чаяние языков**» (Быт. 49,10). «**Не отнимется скипетр** (т.е. царская власть) **от Иуды и законоположник** (т.е. законодательная власть) **от чресл его, пока не придет Примиритель, и Емц - покорность народов**». Эти слова означали то, что в народе, произошедшем от Иакова, не будет недостатка в князьях из рода Иуды и в вождях из его поколения, пока не придет Примиритель, Которому покорятся (в духовном отношении) все народы. Под Примирителем здесь, очевидно, разумеется обещанный Спаситель мира, в Которого впоследствии уверовали все народы. Незадолго до Его рождения на престол иудейский вступил Ирод, который первый из царей иудейских не был из рода Иуды. Это уже показывало, что наступило время явления на земле Спасителя мира. И Он действительно родился в Вифлееме, в царствование Ирода Великого.

Слова Символа веры *страдавши и погребенна* показывают, что страдания и смерть Иисуса Христа происходили на *самом деле*, действительно, а не были одним только видом страданий и смерти, как думали некоторые лжеучители, например, *докеты*. Докеты, считая тело Иисуса Христа «призрачным», думали, что и страдания, и смерть Его были тоже «призрачны», а не действительны.

Впрочем, Иисус Христос страдал и умер не по Божеству Своему, а по человеческой природе, и при том совершенно *добровольно*. На это Сам Он указывает: «**Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимет ее у Меня, но Я сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть опять принять ее**» (Ин. 10,17 и 18). Здесь под душою, очевидно, разумеется земная жизнь, которую Иисус Христос добровольно принес в жертву за людей и которую опять принял, воскресши из мертвых.

Целью страданий и смерти Иисуса Христа было спасение людей от греха, проклятия и смерти

Феофилакт Болгарский. Благовестник.

Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собою Петра и обоих сыно-

вей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты (Мф. 26, 36-39). – Не всех берет учеников, а только тех троих, которым явил славу Свою на Фаворе, дабы не соблазнились, видя Его молящимся и скорбящим. Но и сих троих оставляет и, отойдя от них, начинает наедине молиться. А скорбит Он и тоскует благопромыслительно, дабы уверовали, что Он истинный человек, ибо человеческой природе свойственно бояться смерти. Смерть вошла в человеческий род не по природе, и потому природа человеческая боится ее и бежит от нее. Скорбит вместе и для того, чтобы утаить Себя от диавола, чтобы диавол устремился на Него как на простого человека и умертвил Его, а таким образом был низложен. С другой стороны, если бы Господь Сам пошел на смерть, то подал бы иудеям повод говорить в оправдание, что они не погрешили, убив Его, так как Он Сам пришел к ним на страдание и на смерть. Отсюда понятно, что и мы не должны ввергать сами себя в опасности, но должны молиться об избавлении от них. Для того Он и не отошел на дальнейшее расстояние, а находится вблизи трех учеников, чтобы они могли слышать Его и, когда впадут в искушения, сами молились, подобно Ему.

Да минует Меня чаша сия. – Распятие Свое Он называет чашей или по причине успения, так как Он почил от сего сном смертным, или потому, что успение Его соделалось причиной нашего веселия и спасения. Желает, чтобы миновала Его чаша, или во свидетельство того, что Он, как человек, естественно уклоняется от смерти, как выше сказано, или потому, что Он не желал, чтобы иудеи впали в такой тяжкий грех, за который должно было последовать разрушение храма и гибель народа, подобно как и Стефан, научившись у Него, молился о побивающих его камнями, дабы не вменилось им это в грех.

Впрочем, не как Я хочу, но как Ты. – Хочет, однако же, чтобы исполнилась воля Отца, дабы и мы знали, что должно более повиноваться Богу, нежели исполнять собственную волю, хотя бы природа влекла к противоположному.

(40-41) *И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.* – Поелику Петр оказался слишком смел, равно как и прочие ученики, то изобличает их нетвердость как людей, говоривших необдуманно, и в особенности обращает речь к Петру: «Так ли одного часа не могли вы **бодрствовать со Мною!** И как же души свои положите за Меня?» Впрочем, поразив обличением, снова успокаивает их, говоря, что хотя **дух бодр**, но **плоть же немощна**, а плотская немощ противится духу. То есть, говорит, Я извиняю вас, потому что вы воздремали не по невниманию ко Мне, а по немощи. Итак, если вы видите немощь свою, то не будьте так смелы, но молитесь, **чтобы не впасть** вам **в искушение**.

Чтобы не впасть в искушение. – По мнению других, сказано так вместо, «чтобы не быть побежденными искушением». Не то, говорят, заповедует нам Господь, чтобы мы были вовсе без искушений (искушения доставляют венцы, а кто не искушен, тот и не венчается), но то, чтобы искушение не поглотило нас и чтобы нам не попасть в чрево искусителя врага, как некоего зверя, ибо кто побежден врагом, тот уже вошел в чрево его. Вот о чем велит молиться.

(42-44) *Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. И, оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово.* – Учись, человек, непрестанно молиться в искушениях, слыша, что и Господь многократно молился. Найдя их опять спящими, Господь, дабы не оскорбить их, уже не стал обличать, но оставил их и пошел молиться в третий раз, уверяя таким образом в Своем человечестве, ибо число три есть знак истины и достоверности.

(45-46) *Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы всё еще спите и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте,*

пойдем: вот, приблизился предающий Меня. – Показывая, что не имеет нужды в их помощи, когда намерен был предаться, Он говорит: «Теперь уже спите». Или произносит это, чтобы пристыдить их, как бы так говоря: «Вот предатель приблизился; если вам угодно и время позволяет спать, спите». Затем пробуждает их от сна и отводит от того места, где молился, идет навстречу к искавшим взять Его и встречает их, как будто они принесли Ему что-либо приятное. Так и о том, о чем Он молился пред сим, молился для того, чтобы удостоверить всех в благопромыслительности Своего воплощения, а если и не желал пострадать, то для того, чтобы предохранить евреев от гибели, которая должна была постигнуть их за грех против Него.

* * *

«Живоначальная Троица» на иконе преподобного Андрея Рублева изображена в виде трех Ангелов, сидящих в круге, Предвечная Троица до создания мира. Круг – символ вечности и единосущия. В центре Ангельского Троичного круга на столе стоит чаша, а в ней глава принесенного в жертву тельца. Телец – символ жертвенного служения и страданий Христа. Три Ангела, три Божественных Ипостаси, безмолвно взирают на чашу. Тогда в предвечном Совете Святой Троицы было определено принести в жертву за имеющий создаться мир Божественного Тельца – Христа Спасителя.

Священное Писание говорит о Христе как об Агнце, закланном от создания мира (Откр. 13, 8). Бог избрал нас в Нем прежде создания мира... *предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа* (Еф. 1, 4–5).

Мир еще только должен был появиться, еще только рождался в предвечной мысли Божией, а во Святой Троице уже принесена за него Жертва.

Приготовлялась Жертва в Гефсимании (Кровная Проскомидия), перед Ее взором предстала страшная чаша, которую Он видел предвечно, теперь должен был испить. То, что было совершено в Совете Святой Троицы, теперь должно было совершиться во плоти на земле. А жертвенным Тельцом был Он Сам. Молитвенно боролся до кровавого пота Иисус, отдавая Себя в Жертву, которую надлежит принести на Кресте.

То, что было определено, теперь должно было быть выстрадано.

* * *

Феофилакт Болгарский. Благовестник.

(47-50) И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. – Видишь ли орудия первосвященников? Колья и мечи! Так-то они были миролюбивы! Так-то отличались духом кротости!

Один из двенадцати сказал евангелист, чтобы показать, что хотя Иуда и был одним из первых, несмотря на это предался диаволу. Посему бойся и ты, человек, чтобы не ослабеть и не отпасть, хотя бы и был ты из ближайших к Иисусу! Иуда подает знак отчасти потому, что была ночь и они не могли распознать Иисуса, особенно же потому, что пришедшие взять Иисуса были не столько из простого народа, сколько из числа слуг первосвященнических, которые, может быть, вовсе не знали Иисуса.

Кого я поцелую. – Ученик указывает им Учителя целованием. Зная человеколюбие Господа, он без зазрения совести целует Его. И Господь терпит до самого последнего часа, желая привести его к покаянию Своим долготерпением. Когда же он и этим не вразумился, тогда Господь творит то, что они, как говорит Иоанн, пали на землю, дабы хоть через сие падение познали силу Его. Но безумные и после этого не уразумели Его. Тогда Он предал Себя им.

Друг. – Иуду называет Господь другом в смысле укоризны за то, что он, будто друг, дает Ему целование.

Для чего ты пришел? – То есть, с каким расположением пришел ты сюда? Пришел ли ты как друг? Но в таком случае не следовало приходиться *с мечами и кольями*. Или ты пришел как враг? Но для чего целуешь Меня? Таким образом изобличает его как льстеца.

(51-54) *И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Яне могу теперь умо- лить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?* – Извлекшим нож был Петр, как гово- рит Иоанн (см. 18,10). А имел он при себе нож потому, что незадолго перед этим закалал агнца для вечери. Мы не осуждаем Петра, потому что он поступил так, ревнуя не о себе, а об Учителе. Впрочем, Господь, приучая его к евангельской жизни, дает наставление не употреблять меча, хотя бы и за Бога кто думал совершать мщение. Отсечением уха Петр показывает, что иудеи болели непослушанием. Потом Господь приводит изречение зако- на, что убийца в возмездие сам должен быть убит (см. Быт. 9, 6), и, подтверждая закон, говорит, что **все, взявшие меч, мечом погибнут**. А указывает этим на то, что иудеи, под- нявшие на Него меч, будут истреблены от меча римлян.

Далее Он не сказал, что может представить **более, нежели двенадцать легионов Ангелов**, но – может **умолить Отца Моего**; говорит как человек, по Своей благопромыс- лительности, ради немощи учеников. После того как Он показал тогда в Себе много чело- веческого, например пот, страх, моление, Он не убедил бы учеников, если бы сказал: «Я Сам могу представить легионы Ангелов». Вместо двенадцати учеников Мне представил бы Отец, говорит Он, двенадцать легионов Ангелов, если бы Я захотел (легион состоял из шести тысяч всадников).

Так должно быть. – Всему тому надлежит быть, чтобы исполнились Писания. Впрочем, иудеи не потому были злы, что Писания предвозвестили о сем; но поелику иу- деи имели все это совершить по собственной злой воле, то в Писаниях и изложено так пророками по внушению Духа Святого. (55-56) *В тот час сказал Иисус народу: как буд- то на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня. Сие же всё было, да сбудутся писания пророков.* – Пока- зывает им безумное их предприятие и то, что взять Его зависело не от их усилия. Когда Я был с вами в храме, говорит Он, вы хотели взять Меня; но поелику Я не попускал, то вы не могли удержать Меня. Ныне же Я добровольно предаюсь вам, ибо знаю, как бы так сказал Он, что невозможно солгать Писаниям, которые прорекли о вашей злобе. (56-58) *Тогда все ученики, оставив Его, бежали. А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе перво- священнику, куда собрались книжники и старейшины. Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец.* – Прочие ученики разбежались, а Петр, имея более горячее усердие к Учителю, издали шел за Ним. Хотя и Иоанн тоже шел за Ним, но не как ученик, а как знакомец первосвя- щенника. (59-60) *Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвиде- тельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и, хотя много лже- свидетелей приходило, не нашли.*

Иоанн Златоуст. Толкование на Святого Матфея Евангелиста

Почему же они не взяли Его в храме? Потому что не осмелились на это в храме вви- ду народа. Поэтому Он и вышел вон из города, предоставляя им в отношении и места, и времени полную свободу и даже до последнего часа лишая их оправдания. Тот, Кто в ис- полнение божественных пророчеств предал самого Себя, мог ли учить противному воле божественной? *Тогда вси ученицы,* говорит Евангелист, *оставльшие Его бежали*. Когда взяли Иисуса Христа, ученики оставались еще при Нем; но когда Он сказал толпе, напав- шей на Него, упомянутые слова, разбежались. Они, наконец, увидели, что уже нельзя бу- дет более Ему уйти после того, как Он добровольно предал Себя, и объявил, что это со- вершается сообразно писаниям пророче-
ским. По рассеянии учеников, Иисуса Хри-
9

ста приводят к Каиафе: *Петр же идяше по Нем, и вниде видети кончину* (ст. 58). Велика была любовь этого ученика: увидав, как убежали другие ученики, он все-таки не убежал, но остался и вошел со Христом во двор Каиафы. Без сомнения, и Иоанн сделал то же (Ин. 18, 15), но он был известен первосвященнику. Для чего же привели Христа в такое место, где все были собраны? Для того, чтобы все сделать по воле архиереев. Каиафа был тогда первосвященником, и у него там были все собраны: так они бодрствовали и не спали целую ночь ради этого. Не пасху они тогда совершали, как пишет Евангелист, но не спали по этому самому делу. Евангелист Иоанн, сказав, что было утро, присовокупляет: *тии не внидоша в претор, да не осквернятся, но да ядят пасху* (Ин. 18, 28). Это что значит? То, что они ели пасху в другой день, и стремясь погубить Христа, нарушили закон. Христос не пропустил бы времени пасхи, но Его убийцы осмеливались на все, и нарушали многие законы. Так как они терзаемы были жестокой яростью против Него, и, часто покушаясь убить Его, не могли этого сделать, то теперь, взяв Его неожиданно, решились оставить даже пасху, чтобы исполнить свое кровожадное намерение. Вот почему и собрались все, и, составив сонм губителей, искали лжесвидетельства, чтобы своим коварным замыслом дать вид законного суда.

Феофилакт Болгарский. Благовестник

(60-64) *Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. И, встав, первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал. –* Воистину это были лжесвидетели! Ибо Христос не говорил **могу разрушить**, но – **разрушьте**; не сказал при том **храм Божий**, но – **храм сей**, то есть тело Мое. Опять же, не говорил **могу... создать**, но – **воздвигну** (Ин. 2, 19). Итак, явно, что это были лжесвидетели, приписавшие Иисусу то, чего Он не говорил. Посему Христос, видя незаконный суд их, молчал, ибо тех, для коих неубедительны были знамения, как смогли бы убедить оправдания? Но первосвященник, желая вовлечь Его в богохульство, продолжает спрашивать льстиво, дабы осудить Его как богохульника, если Он скажет «Я – Сын Божий», или же иметь Его свидетелем против Себя Самого, если Он отречется от того. Но Господь, уловляющий премудрых в лукавстве их (1Кор. 3, 19), **говорит ему: ты сказал**, – то есть твои уста исповедали, что Я – Сын Божий.

(64) *Даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.* – Иисус возвещает им это словами пророка Даниила, который сказал: *Видел... вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий* (Дан. 7, 13). Поелику обвинители считали Его прелестником, принявшим на себя смиренный образ, то Господь как бы говорит им: «Увидите Меня тогда грядущим с силой и сидящим вместе с Отцом (силой называет здесь силу Отца), грядущим не от земли, а с небес».

(65-66) *Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти.* – У иудеев был обычай раздирать одежду, когда случалось что-либо невыносимое. Так и Каиафа, как будто бы по причине богохульства, делал это в обольщение народа, чтобы показать, что Христос произнес страшное богохульство, и этим заставить народ провозгласить Его повинным смерти. Впрочем, надобно знать, что Каиафино раздирание одежды означает раздирание ветхозаветного архиерейства. (67-68) *Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя? –* Когда осудили Его, тогда начали оказывать Ему всякого рода озлобления и насмехались над Ним, закрывая лицо Его одеждой, как говорит другой евангелист (см. Мк. 14,65). Поелику Он признаваем был за пророка, потому-то враги так и насмехаются над Ним.

(69-75) *Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и*

ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько. – Одержимый чрезмерным страхом, Петр забыл о своих обещаниях Учителю и покорился человеческой немощи, как бы умерев от страха и не зная, что говорит. Но ты разумей это и в высшем смысле. Петра уличает *служанка*, то есть человеческая немощь, эта малая рабыня, пока не пропел *петух* и не привел его в чувство; петух означает слово Иисусово, которое не позволяет нам расслабляться и спать, но говорит: *Встань, спящий* (Еф. 5, 14) и бодрствуй. Сим-то словом пробужденный, как петухом, Петр вышел вон из двора первосвященникова, то есть из состояния ослепленного ума, и, выйдя из него, *плакал горько*. Пока он находился во дворе ослепленного ума, то не плакал, потому что не имел чувства, но как скоро вышел из него, то пришел в чувство.

ГОСПОДЬ НА СУДЕ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВ И СИНЕДРИОНА.

Божественный Узник приведен был сначала к отставному первосвященнику Анне (или Анану), тестю Каиафы, престарелому саддукею. При всей личной важности своей, Анан, как член синедриона, не имел права совершать судебного допроса. Но ослепленный ненавистью и злобой и к тому же влекомый любопытством к Такой Личности, он...задал самый опасный тон делу.

«**Аз**, – отвечал Господь, – **не обвиняся глаголах миру, Аз всегда учах на сонмищах и в церкви, и тайно не глаголах ничесоже. Что Мя вопрошаеши? Вопросы слышавших, что глаголах им: се сии ведят, яже Аз рех**».

Первосвященник Иудейский, несмотря на сильное личное предубеждение против Иисуса Христа, сам, по-видимому, ничего не нашел в ответе Его такого, что бы можно было поставить Ему в вину, хотя внутренне и не мог быть доволен таким искусным, по его мнению, уклонением от дела. Иначе смотрел на все сие один из близ стоявших служителей Анановых. Святая свобода Узника в ответе первосвященнику, пред коим он привык оказывать и видеть одно раболепство, показалась ему дерзостью, стоящею немедленного укрощения. «*Так-то Ты отвечаешь первосвященнику!*» – вскричал он, желая показать усердие к чести своего владыки, и ударил Господа в ланиту.

Кто будет молиться на кресте за самых распинателей Своих, Тот мог перенести теперь равнодушно безумную дерзость раба Ананова... Но молчание в настоящем случае могло показаться признанием в том, что действительно нарушено уважение к сану первосвященника. Сам безрассудный раб остался бы в уверенности, что поступил справедливо. «**Аще зле глаголах**, – отвечал Иисус ударившему Его, – **свидетельствуй о зле; аще ли добре, что Мя виешн?..**»

После этого Иисус отослан был Ананом к Каиафе в том же самом виде, в каком был приведен к нему, то есть связанный. Не только одно заушение от руки раба должен был претерпеть Господь во дворе Анана: здесь же, несмотря на непродолжительность времени, начались и отречения первого из Его апостолов – Петра.

Возле дома Каиафы, несмотря на глу-₁₁ боковую полночь, собралась большая часть

членов синедриона. Верховное судилище представляло теперь самым живым образом *церковь лукавнующих* (Пс. 25,5). Две главные секты, фарисейская и саддукейская, пылали давнею ненавистью к Иисусу Христу. Каиафа, в руках которого находилась верховная власть, давно уже изрек свое мнение: «**Яко үнее есть, да един үмрет за люди**». Для беспристрастного наблюдателя достаточно было одного взгляда на лица и движения будущих судей Иисуса, дабы со всею уверенностью заключить, каков будет суд и чего должно ожидать подсудимому.

Несмотря, однако же, на твердое, давно положенное намерение лишить Его жизни, синедрион хотел дать сему делу весь вид справедливости и какими бы то ни было средствами приписать Иисусу вину, достойную смерти. Главным источником мнимой справедливости было опасение – прослыть в народе, приверженном к Иисусу Христу, явными гонителями невинности, если бы осудили Его без всякого суда, по одной личной ненависти.

Необходимо было найти свидетелей. Первосвященникам, в ослеплении страсти, казалось возможным представить их тысячи. Начиная от первосвященника и до последнего члена, все занялись сим изысканием: каждый приводил себе и другим на память человека, способного лжесвидетельствовать на Иисуса и по своему образу мыслей и потому, что слышал Его беседы. Всеми искомые лжесвидетели начали, наконец, появляться с разных сторон. Что они ставили Господу в преступление, неизвестно; только свидетельства их были не согласованы между собою и не заключали в себе уголовного обвинения. Вероятно, указывали на какое-либо нарушение покоя субботнего, на несоблюдение преданий фарисейских и проч., – на такие преступления, кои много значили в устах книжников, когда они обольщали народ легковерный, но не содержали в себе законной причины к осуждению обвиняемого на смерть; между тем, судиям хотелось найти преступление именно уголовного рода.

Наконец явились еще два свидетеля, которые, имея в виду слова Спасителя, произнесенные за два пред сим года к народу (Ин. 2,19) в храме Иерусалимском, хотели обратить их в уголовное обвинение; но оба злонамеренно или по забвению от давности времени превращали слова Иисуса Христа. Один (Мф. 26,61) лжесвидетель утверждал, будто Он сказал однажды: «Я могу разрушить храм Божий и в три дня воздвигнуть его». В таком ложном виде слова, усвояемые Иисусу Христу, могли пред судьями показывать дерзость и самохвальство, соединенное с неуважением к самым священным вещам, каков храм. Другой (Мк. 14,58) лжесвидетель объявил, будто ему слышалось, как Господь говорил: «Я разрушу храм сей *рукотворенный*, и в три дня воздвигну другой, *нерукотворенный*». В таком превратном виде слова сии казались обнаружением чего-то мятежного, богопротивного, как будто Иисус Христос не только имеет самое низкое понятие о храме Иерусалимском [слово *рукотворенный* употребляется в св. книгах для означения идола (Ис. 21, 9) и храма идольского (Ис. 16,12)], но и намерен разрушить его, дабы создать другой, неизвестно какой храм, всего вероятнее – не создать никакого. Это представлялось явною хулою на храм, равною хуле на Бога и Моисея, которая, по закону, вела за собою смерть хулившему (Лев. 24,13).

Ничего не было легче, как отвечать на обвинения лжесвидетелей, если бы они стоили ответа. Во-первых, Господь никогда не говорил: «*Я разрушу или могу разрушить храм*», а говорил только условно к Иудеям, требовавшим чуда: «*Разрушьте*». Во-вторых, когда Он

говорил сие, то под церковью разумел не храм Иерусалимский, а собственное тело, так что слова Его имели такой смысл: «**Вы требуете чуда и будете иметь оное в Моем Воскресении; ибо когда вы разрушите церковь тела Моего – умертвите Меня, то Я через три дня воздвигну ее – воскресну из мертвых**» (Ин. 2,16-22).

Между тем Господь не отвечал и на лжесвидетельства. **Смерть Его уже была запечатлена** в сердцах первосвященников. С другой стороны, поелику слова Господа заключали в себе символическое предсказание о Его смерти и Воскресении, то пояснение смысла, в них содержащегося, было бы далеко не сообразно с настоящими обстоятельствами и, не доставив никакой пользы, привело бы только к недоумениям и насмешкам. Молчание, наконец, было самым лучшим ответом уже потому, что свидетели не были согласны между собою; потому что такое разногласие делало их показания совершенно недействительными пред законом.

Судьи при всей личной ненависти к Подсудимому сами чувствовали слабость лжесвидетельств; но величественное молчание Его для мелкого самолюбия казалось непростибельным невниманием или презрением. Если бы Господь защищал Себя, то могли надеяться, что в собственных Его словах найдется что-либо противное закону: ибо первосвященники и книжники не раз испытали на себе строгость его обличений, почитаемую ими за дерзость и богохульство. И вот Каиафа, который доселе сидел на своем месте и сохранял, хотя не без принуждения, важность председателя нечестивого совета, первый потерял терпение, встал со своего места и, выступив на средину (Мк. 14,60), где находился Господь, сказал с гневом: «Как Ты не отвечаешь ничего? Разве не слышишь, что они против Тебя свидетельствуют?» Но Господь не отвечал ни слова... Раздраженный сим молчанием, первосвященник всего скорее согласился бы почесть его за сознание в преступлении; но некоторый остаток приличия еще обуздывал личную ненависть. Между тем, вступив в разговор с Узником, он не мог уже без стыда окончить его ничем. Хитрость саддукея нашла средство, не прибегая к явно несправедливым мерам, не только заставить Подсудимого говорить, но и сказать нечто такое, чем весь допрос в немногих словах мог быть совершенно окончен. **Как первый служитель Бога Израилева первосвященник, при всем недостоинстве своем, имел право спрашивать о чем-либо обвиняемого под клятвою: способ допроса, на который нельзя было не отвечать, не преступив должного уважения к клятве, к сану первосвященника и самому закону.** К сему-то средству прибег Каиафа.

«**Заклинаю Тебя**, – сказал он с притворным уважением к словам, им произнесенным, – **заклинаю Тебя Богом живым: скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий (то есть Ты ли Мессия)?**» (Мф. 26,63).

«**Я**, – отвечал Господь, – **даже рекү вам более: отселе үзрите Сына Человеческого (Меня), сидяща одеснүю силы Божией и грядүща на облацех небесных**».

То есть, как бы так было сказано: вскоре самые дела покажут вам, что Я тот славный Царь, Который по описанию пророка Даниила сидит на облаках одесную Ветхого днями (Дан. 7,13-14).

Сего именно признания и желал Каиафа, потому что оно совершенно отвечало его цели. Но положение дела требовало скрыть при сем свое удовольствие, и оно сокрыто... Как бы услышав ужасное, нестерпимое богохульство, лицемер тотчас представился вышедшим из себя и разодрал одежды свои (переднюю часть). Поступок, который в пер-

восвященнике выражал чрезвычайную крайность душевного волнения и показывал величайший избыток мнимой ревности по славе Бога Израилева. – *«Слышали ли, – вскричал потом Каиафа к прочим судиям, – слышали ли вы, что Он сказал?.. Он явно богохульствует, и мы еще требуем свидетелей?»*

Все молчали, разделяя с первосвященником притворный ужас по причине мнимого богохульства. *«Что же вы думаете, – продолжал лицемер, – чего Он достоин?»* (Мф. 26,65-66). *«Смерти, смерти»,* – повторяли один за другим старейшины.

Сим кончился первый допрос. Судьи и советники разошлись, дабы несколько успокоиться сном, потом снова собраться при первом рассвете. Цель, давно желанная, достижение которой еще за несколько дней казалось невозможным, эта цель – осуждение на смерть Иисуса – теперь представлялась уже почти достигнутой; оставалось только в новом собрании подтвердить приговор, теперь сделанный.

Господь, в ожидании нового собрания, выведен был из жилища первосвященника, где происходил совет, на двор. До утра оставалось немного времени (два-три часа); но для Него сей промежуток времени был весьма тяжел, потому что Он находился в руках буйной толпы, состоявшей из стражей храма и служителей первосвященнических (Лк. 22,63-65; Мф. 26,67-68). Те и другие почитали за долг выказать свое раздражение и презрение к Человеку, Который, по их мнению, имел дерзость быть врагом их начальников. Может быть, даже от первосвященников дан был слугам намек, как поступать с Узником. *«Пророк Галилейский! Мессия-самозванец!»* Такими насмешками началось поругание. Но скоро от слов перешли к ударам. Одни заушали Господа, другие ударяли Его по ланитам, иные плевали в лицо. Кои хотели казаться остроумными, закрывали Его лицо (Мк. 4,65; Лк. 22,64) одеждою и при каждом ударе спрашивали: *«Угадай, Христос, кто Тебя ударил»,* – потому что Мессия, по мнению Иудеев, должен был знать все.

Что Господь все сии оскорбления переносил терпеливо, без всякого ропота, о сем Евангелисты не почли за нужное и упоминать. Они замечали только, что Он что-то говорил Своим мучителям для их вразумления.

Обратимся к Петру. Здесь прилично рассказать, как исполнилась последняя часть предсказания Иисуса Христа *о его отречении.*

Несмотря на опасность, встретившую Симона во дворце Анана, он следовал за толпою служителей, ведших Иисуса Христа во дворец Каиафы, желая знать, чем кончится суд над Учителем, Коему изменили уже его уста, но сердце пребыло верным. Первое возглашение петуха при первом отречении Симона не произвело на него никакого впечатления или, может быть, даже возбудило решимость доказать на деле, что зловещий петел не будет более свидетелем измены апостола. И во дворце Каиафы Симон представлял лицо человека, который пришел на шум народный из одного любопытства, и также, вмешавшись в толпу служителей, грелся вместе с ними у огня, который был разведен на дворе по причине ночного холода. Но предсказанная Господом измена преследовала Симона и здесь. Один из служителей, обратив внимание на галилейское наречие, коим он говорил, начал говорить окружавшим его: *«Этот человек должен быть из числа учеников Иисусовых».* Симон затрепетал снова; уста, однажды изменившие, еще скорее разверзлись для второго отречения: одних уверений показалось уже недостаточно – и малодушный ученик присо-вокупил ко лжи **клятву** в том, что он вовсе не знает Иисуса... Так скоро и глубоко падает

добродетель человеческая! Освободившись от опасности, Симон удалился от огня; страх гнал его вон, но любовь опять удержала, и он остановился у дверей.

Протекло еще несколько времени, первый допрос кончился – и Иисус Христос был выведен из судилища на двор. Влекомый любовью ученик невольно приблизился, чтобы еще раз взглянуть на своего Учителя, показаться Ему, если можно, и доказать свое участие в Его судьбе. Казалось, безопасно; но вдруг один из служителей остановил Симона вопросом: **«Верно, и ты был с Ним? Ибо ты Галилеянин, и наречие твое изменяет тебе»**. Прочие служители подтвердили сие подозрение, ибо наречие Галилейское было очень заметно для всякого, а между тем все знали, что ученики Иисусовы родом Галилеяне. Один из слуг архиерейских, бывший с воинами в саду Гефсиманском, родственник того самого Малха, которому Петр отрезал ухо, начал вслух всех обличать его, говоря: **«Не я ли тебя видел с Ним в саду Гефсиманском?»** Робкий Симон не знал, что делать, забыл себя и Учителя, умер, по выражению св. Златоуста, от страха, и всеми видами клятв начал утверждать, что он не только никогда не думал быть учеником Иисуса, но и вовсе не знает Сего Человека.

Еще малодушный ученик не успел окончить своих клятв, как проводник покаяния (петел) возгласил вслух его в другой раз...

В это же время Господь, бывший среди стражи на дворе, обратился в ту сторону, где находился Симон Петр (и где по причине спора произошел шум), и посмотрел на него пристально... Петр, при всем замешательстве своем, заметил это: взор Учителя и Господа проник в его сердце. Казалось, он снова слышит роковое предсказание: **«Прежде нежели пропоет петух, ты отвергаешься Меня три раза»**. Место малодушия заступили стыд и раскаяние. Но – опыт кончился! Слуги архиерейские, удовлетворившись клятвами, перестали беспокоить Петра. Но шум двора архиерейского был уже несносен для сердца, терзаемого скорбью, и он, со слезами на глазах, спешил вон, дабы в уединении плакать о своем непостоянстве... **«И изшед вон, плакася горько...»**

Св. Климент, ученик апостола Петра, повествует, что он всю жизнь, при полуночном пении петуха, становился на колени и, обливаясь слезами, каялся в своем отречении и просил прощения, хотя оно было дано ему Самим Господом вскоре по Воскресении. По сказанию Никифора, глаза св. Петра от частого и горького плача казались красными.

Наступало утро дня, единственного в истории рода человеческого. В навечерии его, как мы видели, Иудеи заклали агнца пасхального, а теперь, среди полудня, был заклан Агнец Божий, вземлющий грехи мира. **Надлежало, чтобы истинная жертва принесена была с жертвою преобразовательной в один день.** Умы всех Иудеев заняты были последней; думал ли кто-нибудь о первой?..

Чертоги Каиафы снова наполнились старейшинами, фарисеями и книжниками. Желали только – сообразно обыкновению – не осуждать преступника на смерть в одно заседание. Не страшились более и возмущения народного: жители Иерусалима не могли еще узнать о приключениях прошедшей ночи. Дело тьмы совершалось так успешно, как только могли желать служители тьмы.

Господь был введен в собрание. **«Ты ли Мессия, скажи прямо?»** – спросил Каиафа тем голосом, который уже отзывался смертным приговором.

«**Аще и рекү вам** (что Я Мессия), – отвечал Господь, – **не имате веры. Аще и вопрошү вас** (о том, что могло бы вывести вас из ослепления), **не отвещаете Ми и** (хотя бы Я доказал, что вы должны верить словам Моим) **не отпүстите МЯ.** (После сего остается одно) **Отселе Сын Человеческий** (Я Мессия) **будет седяй одеснүю силы Божией** (не будет более являться пред вами в виде уничиженного узника, а примет вид всемогущего царя и судии)».

«**Итак, Ты Сын Божий (Мессия)?**» – спросили с нетерпением некоторые из судей.

«**Аз есмь**», – отвечал Господь. «**Он Сам на Себя произнес осүждение**, – повторяли одни за другими старейшины, – **волеє не о чем рассүждать. Смерть, смерть богохүльнику!.. Смерть, смерть Ажемессии!..**» (Лк. 22,66-71).

Благомыслящие члены синедриона или не были при настоящем решительном осуждении Господа, или должны были молчать. Касательно Иосифа Аримафейского прямо замечается в Евангелии, что он не участвовал в настоящем *преступном совете и незаконном деле* синедриона.

Мы говорим: «преступном совете и незаконном деле», ибо, как ни старались первосвященники в суде над Господом соблюсти вид законного судопроизводства, настоящий приговор против Него сделан вопреки всем законам правосудия. «Форма только, – говорит св. Златоуст, – была суда, а, в самом деле, это было не что иное, как нападение разбойников».

Иудейский синедрион пользовался еще правом наказывать смертью за преступление отечественных законов; только приговоры его исполнялись не прежде, как по утверждении их областным прокуратором. Первосвященники предпочли отослать Осужденного к прокуратору, дабы он приказал казнить Его по законам римским. Это было совершенно в духе фарисейской расчетливости. Совершение казни от лица синедриона обратило бы всю ненависть народа, приверженного к Иисусу Христу, прямо против первосвященников и фарисеев; могли даже опасаться, что народ произведет возмущение в пользу любимого всеми Пророка, – что было сделать гораздо труднее, когда Он находился в руках римского, для всех страшного, правительства. Самое наступление праздника препятствовало первосвященникам распорядиться отечественной казнью; а отложить ее до окончания праздника – сопряжено было с новой опасностью от народа. В предании Господа Пилату представлялась и та выгода, что прокуратор может осудить Его на самую поносную смерть – на крест, – которая определялась только римскими законами. Между тем надлежало исполниться и предсказанию Господа о том, что Его предадут в руки язычников, которые осудят Его на распятие (Ин. 18,32). Требовалось только придумать, как сильнее подействовать на прокуратора, дабы он кончил дело без дальнейшего исследования. Для сего вернейшим средством казалось, если члены синедриона сами явятся в его судилище, представят ему и важность дела, и единогласие своего приговора, и очевидность преступления, и крайнюю опасность со стороны преступника для самого правительства римского.

Вследствие подобных соображений Иисус Христос в узах был отведен в преторию Пилата (так назывался весь дом и, в частности, судилище римского правителя) (Мф. 27,1-2).

ГОСПОДЬ ПЕРЕД СУДОМ ПИЛАТА

Римский прокуратор Иудеи, коему достался несчастный жребий осудить на распятие *Господа славы*, был *Понтий Пилат* (*Понтий* было имя прокуратора, а *Пилат* прозвание, данное ему потому, что он начальствовал когда-то над воинами, вооруженными *pilis*, коих называли пилатами, или потому, что он за какое-либо отличие награжден был таким оружием, эта награда была в обыкновении у римлян), человек, по свидетельству Иудейских писателей, высокомерный, жестокий и корыстолюбивый. Впрочем, такой отзыв мог быть следствием национального предубеждения против чужеземного правителя, и если заслужен Пилатом, то более в последние годы его правления. По крайней мере, история суда Пилатова над Иисусом Христом не показывает в нем особенного высокомерия, тем менее корыстолюбия.

Понтий был только прокуратором Иудеи, Самарии и Идумеи (должность, которая, сама по себе, ограничивалась получением податей государственных), впрочем, с полным правом претора: решать все дела и казнить смертью. Такими прокураторами назначались люди большей частью всаднического достоинства, иногда из вольноотпущенных, чем-либо отличившихся, и назывались, подобно другим главным начальникам, игемонами, или правителями. Пилат принадлежал к сословию всадников. Обыкновенным местопребыванием Иудейских прокураторов был город Кесария, но на праздники, особенно на Пасху, они переселялись в Иерусалим для ближайшего надзора за спокойствием народа и для укрощения возмущений, кои нередко происходили во время праздников.

С синедрионом Иудейским римскому игемону трудно было жить в мире. Пилат имел немалые причины негодовать на Иудеев и их синедрион. Вскоре по вступлении в должность Иудейского прокуратора ему захотелось (вероятно, из ласкательства кесарю) внести в Иерусалим римские знамена с изображением кесаря; поступок сам по себе не очень важный, но противный Иудейским обычаям. Упорство народа, соглашавшегося лучше лишиться жизни, нежели видеть языческие изображения в святом граде, сделало то, что Пилат принужден был велеть вынести знамена из Иерусалима. Потом Пилат вздумал построить за счет церковных сокровищ водопровод для Иерусалима; намерение весьма полезное для жителей столицы, много, и особенно в праздники, терпевшей от недостатка хорошей здоровой воды, но неприятное синедриону, коему принадлежали деньги. В сем случае произошло народное возмущение, так что Пилат с трудом рассеял народ, окруживший его литостротон (площадка перед домом прокуратора, устланная мрамором и др. разноцветными камнями) и нагло требовавший оставить его без воды.

Об Иисусе Христе и Его действиях Пилат не мог не иметь давно сведений; но, без сомнения, не имел верного понятия, кроме того, что действия Его не опасны для римского правительства. Известно было, конечно, Пилату и о происшествиях минувшей ночи: взятии Иисуса Христа под стражу, собрании синедриона и прочем, ибо римская стража, усугублявшая свою бдительность во время праздников, давала знать прокураторам о всех происшествиях, заслуживающих внимания. Пилату даже известно было гораздо более, нежели сколько хотели и, может быть, ожидали первосвященники: что они преследуют Пророка Галилейского единственно по личным видам, из зависти и злобы (Мф. 27,18). Таким образом, появление Иисуса Христа в виде узника не было для прокуратора вовсе неожиданным явлением; неожиданно было только, что для обвинения Его явился весь синедрион, так рано и в тот день, когда всякий Израильтянин, и искренне и лицемерно набожный, старался как можно дальше удаляться от язычников и всего языческого, дабы не потерять законной чистоты...

По закону, Иудей становился нечистым только от соприкосновения к мертвому и некоторым вещам. Но фарисеи из гордости почитали нечистыми всех язычников и даже вещи, им принадлежащие, поэтому, возвращаясь с площади, они имели обыкновение мыть руки и даже все тело.

Первосвященники и книжники, *пожирая*, по выражению Евангелия, **верблюдов**, действительно, не забыли теперь **отцедить сего комара**. (Мф. 23,24). Пришедши к претории Пилатовой, они не вошли в нее, *чтобы не оскверниться*, и дали знать игемону, что ожидают его на литостротоне для такого дела, которое не терпит отсрочки. Не забыли, без сомнения, извиниться пред игемоном в том, что закон не позволяет им войти теперь во внутренность претории для личного с ним объяснения.

«Жалкий народ! слепые изуверы!» – думал, конечно, гордый римлянин, чувствительный к тому, что его подвластные почитают дом его нечистым и богопротивным, что опасаются войти к нему. Но дух римской власти всегда щадил предрассудки побежденных народов, и Пилат немедленно явился на литостротоне.

Первосвященники в кратких словах объявили, зачем они пришли и чего требуют, надеясь, что Пилат не заставит их судиться с преступником, осужденным целым синедрионом.

Но для Пилата уже такая поспешность и настойчивость были подозрительны. Наместник кесаря менее всего расположен был служить слепым орудием Каиафова коварства. Как бы не примечая, что обвинители дорожат временем и сердечно участвуют в погибели Обвиняемого, римский вельможа принимает спокойный тон беспристрастного судии и спрашивает: «В чем же вы обвиняете сего человека?»

Потребовать вины и, без рассмотрения дела, не осуждать виновного – было отличительным свойством римского правосудия (Деян. 25,15-16).

«Если бы Он не был злодей, то ужели бы мы (все члены синедриона) предали Его тебе для казни?» – был ответ старейшин, все еще надевавшихся, что их личная важность послужит вместо всех доказательств.

Но такой неопределенный, личный язык еще более изменял сердечной тайне врагов Иисусовых, а их самонадеянность еще сильнее вызывала против себя гордость Пилата, внутренне, может быть, радовавшегося, что нашел случай досадить своим врагам...

«Когда так, – возразил игемон, – когда вы хотите, чтобы я осудил Сего Человека без исследования дела, то к чему и мое участие? Возьмите Его вы сами и по закону вашему судите и наказывайте Его, как вам угодно. Я не хочу вмешиваться в ваши дела».

«Но преступление Его, – отвечали обвинители, – требует смертной казни, потому что Он выдавал Себя за Мессию, Царя Израильского, а нам нельзя никого предавать смерти, без твоего на то согласия».

Такое усердие к выгодам кесаря, особенно уклонение от осуждения на смерть мнимого преступника из уст первосвященников должны были казаться для Пилата чрезвычайно странными. Отказывались от своих прав те, кои всегда дорожили ими и непрестанно спорили с прокураторами о правах.

Однако же важность обвинения не позволяла более уклоняться от судопроизводства: надлежало приступить к допросу. Пилат вместо всех исследований обратился к Господу и спросил Его: «Царь ли ты Иудейский?»

При настоящих обстоятельствах, такой вопрос не мог быть произнесен без улыбки. Пред Пилатом стоял такой человек, о котором нельзя было и подумать, чтобы он имел виды на престол Иудейский и осмелился спорить о правах на Иудею с кесарем. Конец суда, по-видимому, зависел от того, что Обвиняемый скажет в ответ: признает или не признает Себя царем. Судия не ожидал, чтобы Узник объявил Себя пред ним царем, не ожидал и того, что Он прямо отвергнет обвинение Иудеев. Каково же должно быть удивление Пилата, когда Господь решительно отвечивал: «**Я – царь!**» (Мк. 15,2).

Лучше сего ответа не могли желать враги Иисуса, опаснее его не мог вообразить Пилат. При таком ответе Иудеи могли тотчас сказать, что дело кончено, потому что Обвиняемый говорит Сам

на Себя. Может быть, Пилат и окончил бы теперь свой суд подтверждением приговора, сделанного синедрионом, но внушающий к Себе благоговение вид Господа, твердость и спокойствие, с коими произнесено признание в том, что Он царь, собственное нерасположение Пилата к синедриону побудили его войти в новое рассмотрение.

Такого рассмотрения, впрочем, требовала и справедливость. Иисус Христос, называя Себя царем, не признавал еще вместе с тем, что Он развращает народ и запрещает давать дань кесарю (Лк. 23,2).

Думая, что Узник имеет особенные причины не обнаруживать подробно Своих мыслей в присутствии Своих обвинителей, и вообще желая дать Ему более свободы в объяснении Своих действий, Пилат вошел в преторию, дав знак следовать за собою туда же и Иисусу. Первосвященники, при всем желании быть свидетелями тайного допроса, оставались на дворе, из опасения потерять чистоту законную, с неудовольствием видя, как немного подействовало на прокуратора то самое признание Господа, которое в синедрионе послужило единственным основанием смертного приговора.

«Итак, Ты выдаешь Себя за царя Иудейского?» – начал Пилат с тем видом, который если не показывал особенного благорасположения, то вызывал к открытому объяснению.

«От себя ли ты, – спросил Господь Пилата, – говоришь сие, или другие так сказали обо Мне?»

Вопрос для римского вельможи, облеченного правом казнить и миловать, показался не совсем уместным. *«Разве я Иудей? – отвечал Пилат с надменностью. – Твои сограждане и первосвященники предали Тебя (как виновного в присвоении имени царя; вследствие чего я, как прокуратор, на коем лежит обязанность утверждать приговоры синедриона, должен, против воли, делать Тебе допрос, хотя доселе и не видал от Тебя сам ничего противного законам). Итак, что Ты сделал? (Чем подал повод думать что Ты, по мнению Твоих обвинителей, ищешь царства?) Отвечай!»*

«Царство Мое, – отвечал Господь, – несть от мира сего (не есть какое-либо земное царство, которого ожидают Иудеи). Аще бы от мира сего было царство Мое: слуги подвизались бы, да не предан бых был Иудеом. Но царство Мое несть отсюду» (не есть земное, и потому совершенно безопасно для римлян).

Пилат, по-видимому, остался доволен сим ответом. Только слово «царство» (Господь не без намерения удержал его) звучало сомнительно в ушах политика, тем более что враги Иисуса Христа могли толковать его в худую сторону. Притом Господь сказал только, в чем не состоит Его царство, а не сказал, в чем состоит оно, о чем также нужно было знать игемону.

«Однако же Ты царь?» – спросил Пилат, давая, без сомнения, уразуметь, как неуместно слово сие в устах Обвиняемого.

«Ты глголеши, яко царь аз есмь, – отвечал Господь, давая со своей стороны знать игемону, что названия сего, как оно ни кажется ему опасным, нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обвинителями и, в чистом своем смысле, совершенно сообразно с истиною – аз на сие родихся, и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину, и всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего».

Римский всадник не способен был понять все в смысле христианском, конечно, а лишь в философском. Римляне, особенно вельможи римские, были в то время знакомы с философией стоиков, по учению коих, истинный мудрец и человек добродетельный есть царь. Изречение Горация: «Ты правитель, если право поступаешь» – сделалось в Риме почти народным присловием. Одно, может быть, не нравилось игемону, что царь, мудрец, подлежащий его суду, пристрастен не только к своим мыслям, но и выражениям, даже опасным; обыкновенный, думал он, недостаток мудрецов-энтрузиастов, не знающих политики...

Поелику Господь так много усвоил истине, то Пилат как бы невольно спросил Его: «Что есть истина?» – и, не ожидая ответа, вышел вон из претории к первосвященникам.

Не вдруг можно определить истинный смысл сего вопроса Пилатова об истине. Будучи тронут внутренне нравственным величием Господа, римлянин хотел показать мимоходом, что и он равнодушен к истине и в свободное время с удовольствием вступил бы о ней в собеседование. Может быть, вельможа-политик вопросом об истине, а более тоном, с коим произнес его, хотел дать Подсудимому новый намек на осторожность, как бы так говоря: «Ты решаешься жертвовать истине всем; но что такое истина? Доселе ни один философ не только не нашел, даже не определил ее; думай не об истине, а о жизни». Такой образ мыслей весьма удобно может быть приписан Пилату, во времена коего в Риме любимой философией было учение академиков, кои, ничего не утверждая в области истины, все разрушали и приводили в сомнение.

Как бы то ни было, но по выходе из претории Пилат решительно объявил Иудеям, что он, вследствие допроса, находит Иисуса Христа совершенно невинным (Ин. 18, 38).

Первосвященники скрыли личное негодование на прокуратора, но тем с большим ожесточением начали клеветать на Иисуса Христа: «**глаголаху**, по выражению Евангелиста Марка, **много**» (Мк. 15,3; Лк. 23,5).

Когда обвинители умолкли, и Божественному Узнику надлежало, в свою череду, отвечать на их обвинения, Он не сказал ни слова. «Что же Ты не отвечаешь? – спросил Пилат, удивленный столь необыкновенным равнодушием. – Видишь, как много против Тебя обвинений!»

Но Господь продолжал безмолвствовать... Такое молчание могло удивить всякого. Самые враги Господа должны были находить его весьма странным. Они знали, что Обвиняемый, если бы захотел, мог сказать в защищение Себя многое, знали, что Он обладает особенною силою слова, и тем паче должен был раскрыть все Свои дарования, когда дело шло о Его жизни, – для убеждения прокуратора, который казался к Нему расположенным. Вероятно, – так могли они думать – Он совершенно потерял присутствие духа, или полагается слишком много на снисхождение к Себе прокуратора, или ожидает, чтобы кто-либо из народа вступился за Него и высказал Его похвальные деяния. Впрочем, молчание Господа долженствовало быть для первосвященников приятно во многих отношениях. Если бы Он заговорил, то могли опасаться, что Он обнаружит не только невинность Своих поступков, но и личную ненависть против Него начальников синедриона, что Он может обратить, каким бы то ни было образом, внимание Пилата на Свои чудеса, которые если не побудят тотчас освободить Его, то заставят продолжить суд и войти в подробнейшее рассмотрение дела, что потребует справок и времени, чего именно так сильно хотелось избежать врагам Иисусовым.

Пилат более всех дивился молчанию Господа, однако же нисколько не думал почитать его следствием невозможности защищать Себя. Мнимая ревность первосвященников о твердости Римского правительства, скорее всего, могла возбудить смех в хитром римлянине, который очень хорошо знал на сей счет образ мыслей Анана и Каиафы. С другой стороны, кроткое спокойствие Господа, Его возвышенный и светлый образ мыслей о царстве истины, неизъяснимое величие в Его лице и взорах не позволяли и думать, чтобы в душе столь чистой зрели какие-либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата в пользу Подсудимого. «Но как и защищать Его от преследования врагов столь упорных, могущественных и хитрых, когда Он Сам явно небрежет о Своем оправдании и, по-видимому, не ищет спасения от смерти?» Тонкий расчет прокуратора нашел в самых обвинениях средство, если не спасти невинного Узника от казни, то отклонить от себя жестокий удел осудить Его на сию казнь.

«Вы говорили, – сказал Пилат, обратясь к Иудеям, – что Он начал возмущать народ с Галилеи; разве Он Галилеянин?»

«Галилеянин», – вскричали обвинители в несколько голосов, полагая, что сие обстоятельство подействует на Пилата, который был особенно нерасположен к Галилеянам и находился во вражде с их правителем, Иродом Антипою, по случаю умерщвления некоторых из его подданных во время

жертвоприношения (Лк. 13,1).

Но в уме прокуратора было совсем другое. Под предлогом нежелания вмешиваться в дела, принадлежащие чужому правлению, Пилат решился отослать Иисуса Христа на суд Ирода. В другое время исполнение сего намерения потребовало бы несколько недель, потому что местопребыванием тетрарха Галилейского была Тивериада, отстоящая от Иерусалима не на малое расстояние, но теперь это могло быть сделано в продолжение одного часа, потому что Ирод Антипа, исповедуя иудейскую религию, находился теперь в Иерусалиме для совершения Пасхи. Отклоняя столь благовидным образом от себя судопроизводство над Иисусом Христом, Пилат мог еще при сем надеяться, что такая неожиданная учтивость послужит к примирению с ним потомка Ирода Великого.

В силу таких соображений Божественный Узник немедленно отсылается к Ироду, в том же самом виде, в каком приведен из синедриона, то есть в узах и под стражею. Туда же против воли должны были следовать первосвященники и прочие члены синедриона, не имея ни малейшего права и предлога протестовать против такого перенесения дела из одного суда в другой.

Тетрарх Галилейский, сын Ирода Великого, Ирод Антипа, к коему на суд должен был явиться Агнец Божий, был тот самый деспот, который в угодность беззаконной жене своей Иродии, лишил жизни Иоанна Крестителя. Жестокость и бесчеловечие не были, собственно, характером Антипы, но склонность к чувственности и слабость духа и сердца не раз доводили его до жестокостей. Бесстыдная Иродия продолжала обладать сердцем Антипы и правила им вместе с царством.

Для Антипы появление теперь в его дворце Иисуса Христа было столько же приятно, сколько неожиданно. Он знал Господа только по слухам, о чудесах его слышал весьма много, слышал, конечно, что-либо и о Его учении, но быть слушателем Иисусовым в Ироде не было никакого желания, хотелось только видеть какое-либо чудо. Прежнее мнение Ирода (Мф. 14,1-2; Лк. 9,7-9), что в Иисусе Христе воскрес Иоанн Креститель, им умерщвленный, теперь уже не тревожило сластолюбца, рассеянность и забавы изгнали из воображения сию мысль, которая могла быть благотворной для его совести.

Ирод, несмотря на свою религию, не имел усердия к синедриону, который состоял большею частью из фарисеев, секты, не терпевшей чужого владычества, а посему подозрительной для Ирода, чья фамилия происходила из Идумеи, возвысившаяся и державшаяся происками при дворе кесарей. Ирод был более расположен к секте саддукеев и держался их мнения. Знал, конечно, Ирод, подобно Пилату, и о том, что первосвященники преследуют Пророка Галилейского единственно по личным видам.

Ирод и не думал об исследовании дела, коего незначительность в гражданском отношении была для него столько же очевидна, как и для Пилата. Не обращая внимания на высоких обвинителей Иисусовых, он видимо предался радости, что видит, наконец, пред собою всеми славимого Пророка, Которого так давно и сильно хотелось видеть ему (Лк. 23, 8). «Теперь, – думал роскошный деспот, – теперь подсудимый, угрожаемый муками и смертию Чудотворец, для преклонения меня на милость, раскроет предо мною все чудеса Своего могущества или искусства».

Всего вероятнее, что это любопытство обращено было на прошедшие чудеса Господа, в том числе, может быть, и на чудесные обстоятельства Его собственной жизни, например, гласы с неба и проч. Господь не отвечал ни слова, не показал даже и вида, что Он расположен удовлетворить желанию тетрарха – видеть от Него какое-либо чудо.

Сын Человеческий и здесь является в том же величии, в каком мы видим Его при начале служения, когда, искушаемый в пустыне, **Он отвергает с презрением предложение сатаны – употребить в личную Свою пользу дар чудес.** Нет сомнения, что Ирод, увидев какое-либо чудо, освободил бы Чудотворца от опасности, Ему угрожавшей; но творить в угодность Ирода и царе-

дворцев его чудеса – значило бы унижать Святого Духа, силою Коего они совершались, – повергать Святая псам...

Между судиями Господа один только Пилат, по-видимому, был несколько расположен ценить высокие чувствования и поступки Подсудимого. Не знающий истинного величия, Ирод, не получая удовлетворения своему любопытству, предался сильному негодованию. Первосвященники заметили это и тотчас, пользуясь случаем, начали клеветать на Иисуса Христа, доказывая, что Он, как непокорный властям враг спокойствия народного, давно достоин смерти.

Но Ирод, при всем негодовании на обманутую надежду видеть чудо, не был расположен верить клеветам фарисейским. По всей вероятности, молчание Господа почтено им за сознание слабости сделать пред ним чудо, достойное внимания. «Такие люди, – думал Ирод, – заслуживают не смерть, а осмеяние»; и сам первый начал издеваться над Господом. Толпа царедворцев немедленно присоединилась к своему повелителю. Со всех сторон полетели острые насмешки, язвительные укоризны и грубые шутки. Сын Человеческий был осмеян, поруган столько, сколько праведник может быть осмеян при дворе, подобном двору Антипы.

В довершение всех насмешек Ирод велел надеть на Иисуса Христа длинную, белую, лоснящуюся одежду. Так одевались в Риме полководцы и все те, которые приготавливались искать у народа какой-либо должности. Так, думал насмешливый деспот, должен быть одет и Тот, Кто имел безрассудство представлять из Себя, хотя без особых умыслов и дальних последствий, Царя Иудейского.

В сей же самой одежде Иисус Христос отослан обратно на суд к Пилату. Дарованием Ему свободы Ирод не хотел, вероятно, раздражить первосвященников, между тем взаимной учтивостью думал отплатить за учтивость Пилата и показать, что он перестает быть его недругом. Ибо с сего времени, по замечанию Евангелиста Луки, Ирод и Пилат сделались по-прежнему друзьями. Законным предлогом к отсылке Узника на суд прокуратора Иудейского, если нужен был предлог сей, могло служить то, что Иисус Христос, хотя провел большую часть Своей жизни в Галилее, но родился и записан был в народную перепись в Иудее, управление коею принадлежало Пилату.

Солнце было уже высоко: три допроса и переход из одного судилища в другое продолжались столько времени, что первосвященникам трудно было надеяться в сей же день окончить это дело. Но отложить его до другого времени – значило вовсе его оставить. Обстоятельства еще более могли расположиться в пользу Узника, и без того покровительствуемого прокуратором. Особенно могли опасаться народа, который, узнав об участии, уготовляемой великому Пророку, легко мог восстать против синедриона. Посему старейшины с необычным для них терпением опять следовали за Иисусом Христом в Пилатову преторию, получив одно утешение, что Ирод поругался над Господом.

В то время как Иисус Христос находился во дворце Иродовом, пред домом Пилата час от часу более собирался народ (Лк. 23,13) не столько для того, чтобы быть свидетелем суда над Пророком Галилейским (заклчение Его в узы еще не могло сделаться известным всему городу), но чтобы участвовать в подаче голосов за освобождение узника. Ибо в то время у Иудеев существовало обыкновение, чтобы в честь праздника Пасхи давать свободу одному из осужденных на смерть преступников (в память освобождения своего из рабства языческого). Это составляло остаток свободы, коею римляне любили льстить на-

родам, ими побежденным.

По возвращении синедриона Пилат, против воли, должен был снова начать суд, для него столько неприятный.

Итак, подозревая к себе членов синедриона и народ, прокуратор начал говорить к ним так: «Вот вы привели ко мне Человека сего, как возмутителя народного спокойствия, но я при вас самих расспрашивал Его и нашел совершенно невинным в том, в чем вы Его обвиняете. Ирод, к коему я отсылал Его, сколько вижу, тех же мыслей; по крайней мере, он нисколько не нашел в нем преступления, достойного смерти; итак, я не могу, по вашему желанию, осудить Его. Наказать, если угодно, я накажу, но после должен возвратить Ему свободу как невинному» (Лк. 23,14-16).

В сих словах уже приметна некоторая уступка со стороны Пилата. Прежде он утверждал, что Узник не достоин ни малейшего наказания, теперь соглашается употребить наказание исправительное. Уверенность его в невинности Иисуса Христа не переменилась, переменились только обстоятельства. Положить какое-либо наказание Узнику казалось нужным и потому, чтобы показать внимание к намеку нового друга своего – Ирода на Его мечтательность, а более – из снисхождения к синедриону, чтобы он имел возможность без особенного стыда прекратить преследование невинного. Что такой оборот дела будет стоить Праведнику незаслуженных страданий, о сем Пилат не заботился, почитая торжеством своего правосудия, если в таких обстоятельствах успеет спасти, по крайней мере, Его жизнь.

Но первосвященники, видя снисхождение к себе, сделались тем неуступчивее и объявили решительно, что они, кроме смертной казни, не удовлетворятся никаким другим наказанием. Пилат был в явной нерешимости, **что** делать...

Шум народа вывел его из недоумения. Праздная толпа изъявляла неудовольствие, что игемон, занявшись судом над Иисусом Христом, медлит исполнить народный обычай – освободить ради праздника одного из преступников. Дерзость сия, в другое время обидная, теперь была приятна для Пилата тем, что представила ему способ выйти из затруднения. Известно было, что народ намерен был просить Варавву, преступника весьма важного, который произвел возмущение и убийства и теперь со своими сообщниками сидел в темнице, ожидая казни, вероятно, крестной. «Что, – думал Пилат, – если я поставлю Иисуса наряду с сим разбойником и предложу народу выбор? – Ужели иудеи предпочтут Иисусу возмутителя и убийцу?» – Последнее казалось весьма невероятным, ибо Пилат знал, что народ не разделяет с первосвященниками ненависти к Иисусу и что, напротив, народная любовь к Нему виною их зависти и недоброжелательства.

Сообразив мгновенно все это, игемон обратился к народу. **«Хорошо, – сказал он, – я готов исполнить ваше требование; слышно, что вам хочется просить свободы Варавве. Не препятствую. Впрочем, предлагаю вместе с ним на выбор другого. Хотите ли, чтобы я отпустил вам Иисуса, так называемого Христа, Царя Иудейского?»** (Мф. 27,17; Мк. 15,9; Ин. 18,39). Более Пилат ничего не сказал в одобрение Иисуса Христа.

Во всяком отношении, предложение Пилата народу об избрании Иисуса Христа было весьма необыкновенно. **«Смотри, – замечает Златоуст, – как порядок превратился! Народ должен просить у Пилата свободы преступнику; а теперь сам прокуратор просит ее у народа!»**

К этому моменту жена прокуратора прислала к нему своего служителя с тайной просьбой не осуждать необыкновенного Узника и, если можно, совершенно уклониться от судопроизводства

над Ним, *«ибо, – говорила она, – в прошедшую ночь я видела сон и много пострадала за Сего святого Мужа».*

Прокула (так называется жена Пилата в Никодимовом евангелии) убеждена была сном своим не только в невинности Иисуса Христа, но и в том, что Он есть праведник (наименование, которое в устах язычницы означало человека необыкновенной добродетели, любимца Божества). Должно также думать, что во сне открыто было Прокуле, более или менее, и высокое достоинство лица Иисусова, и страшная участь, ожидающая врагов Его и судей неправедных.

На Пилата предостережение жены тем сильнее должно было подействовать, чем более оно согласовалось с убеждением его собственного сердца и чем известнее было ему нравственное достоинство его супруги.

Между тем (как Пилат разговаривал с посланным от жены), первосвященники и старейшины употребляли все способы к наущению народа против Иисуса Христа. Между прочим, в наущение могли говорить: **«Кто не видит, что Ему помогали темные силы, что Он посланник Всевельзевула? (Мф. 9,34). Ибо когда Он совершал чудеса? В субботу, вопреки закона Моисеева (Мф. 12,2-8). А чему учит Он? Разрушает все предания (Мф. 15,2), грозит разрушить самый храм (Мф. 26,61). А как живет Он? – ест и пьет с мытарями и грешниками (Мф. 9,11; 11,19); ведет дружбу с Самарянами (Ин. 8,48). И такой человек называет себя Сыном Божиим! – Если бы Он был действительно Мессия, то позволил ли бы обходиться с Собою, как с рабом? (Ин. 1,21).**

Преступления Вараввы также могли быть прикрываемы и уменьшаемы.

Наушенная толпа приблизилась к литостротону. **«Итак, кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам, – спросил Пилат, – хотите ли, чтобы я отпустил Царя Иудейского?»**

«Не Его, – раздалось со всех сторон, – не Его, а Варавву!»

В замешательстве мыслей, еще не успев придумать никакого оборота, Пилат как бы нехотя спросил народ: *«Что же мне делать с так называемым Царем Иудейским?»*

«На крест Его, на крест!», – кричала чернь, как будто в самом деле ей предоставлено было право решать все дела.

«Но какое зло сделал Он?»

«На крест, на крест!» – более не было слышно ничего.

«Нет, – отвечал Пилат, раздраженный неудачей и не привыкший терпеть подобных наглостей, – что прежде я сказал, то и будет, наказать Его я накажу, а потом отпущу».

После сего тотчас дано повеление: Варавву освободить, а Иисуса Христа подвергнуть бичеванию. Сим наказанием игемон, как видим, надеялся совершенно удовлетворить лютости врагов Его.

Бичевание, коим Пилат думал заменить смертную казнь, было одним из самых поносных и мучительных наказаний, определяемых у римлян за важные преступления, большей частью, для рабов и тех, кои не имели права «римского гражданина». В иудейских синагогах наказывали розгами, но определенное число ударов было невелико; наказанный не лишался даже чести гражданской. Римляне, напротив, подвергали бичеванию за важные преступления, большей частью, пред совершением смертной казни. Число ударов и прочие подробности не были определены законом и предоставлялись человеколюбию или бесчеловечию воинов, кои у римлян совершали все казни. Бичи делались из веревок или ремней, в которые по местам ввивались острые костяные или металлические палочки. Нередко умирали под бичами.

Насытив свою жестокость, воины перешли от мучений к насмешкам – по обыкновенному в грубых людях сочетанию варварства с увеселением. Для сего на обнаженное, покрытое ранами и кровью тело Господа накинули червленую хламиду – род короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тела, которая застегивалась на правом плече и была в употреблении важными военными людьми (хламида сия была ветхая и негодная к употреблению).

Потом некоторые из воинов для той же цели сделали наскоро венки и надели его на голову Господа. На сплетение сего венца употреблены были тернистые ветви колючего растения.

Теперь недоставало только последнего знака царской власти – скипетра. Вместо него один из воинов вложил в руку Христа палку из тростника. После сего мнимощарского облачения начались ругательства самые грубые. Падая по одиночке пред Иисусом Христом на колена, говорили: «**Ра-дуйся, Царь Иудейский**». С этими словами каждый воин плевал Господу в лицо, брал у Него из рук трость и ударял Его по голове.

Иисус Христос являлся здесь таким, каким Его провидел за много веков пророк, когда в божественном откровении изрек: «**Яко агнец на заклание ведется, тако не отверзает уст Своих**» (Ис. 53,7).

Увеличивающаяся толпа, по наущению своих вождей, продолжала требовать смерти Узнику. Пилат видел, что самовластие его было зыбко. Оставив литостротон, Пилат вошел в преторию к воинам, дабы видеть, как исполнено его повеление. Увы, оно исполнено было слишком усердно!.. Исполнено так, как, по всей вероятности, не ожидал равнодушный к положению Узника римлянин!.. Взгляд на жалостное положение Узника, Его кроткий вид еще более убедили прокуратора, что если для Подсудимого и неизбежно было какое-то наказание, то Он наказан уже слишком много. Но как спасти Его? – Показать в сем самом виде народу? «Ужели и сей жалостный вид не тронет врагов Его? Особенно тех из Иудеев, кои не имеют к Нему личной ненависти?»

В сих мыслях прокуратор оставляет преторию, повелев следовать за собою Иисусу. «**Вот, –** сказал он народу, **– я вывожу Его к вам, дабы вы снова знали, что я не нахожу в Нем никакой вины**» (Ин. 19,4).

В то же время и Господь вышел из претории с облитым кровью, полузакрытым багряницею телом, с колючим венком на голове, которая также была изъязвлена и окровавлена...

«Се человек!» – воскликнул Пилат, по-видимому, тронутый жалостным видом Божественного Узника. – (Смотрите, как Он в угодность вам поруган, измучен!)

Слова сии и положение Господа действительно тронули многих из Иудеев. Еще раздалось несколько голосов: «Распять, распять Его!» – но уже не с таким свирепством. Первосвященники, старейшины и книжники заметили это и начали кричать сами вместе с народом (Ин. 19,6). Многочисленная толпа слуг их и приверженцев кричала то же; минуты были самые решительные...

И Пилат начал терять равнодушие судьи. «Ну, – сказал он, – если уже вы так упорны, то возьмите Его и сами распните (если можете); а я еще раз скажу вам, что (по моему образу мыслей и законам римским) не нахожу в сем Человеке никакой вины». Суровый вид прокуратора показывал, что он сдержит свое слово. «Что за нужда, – отвечали первосвященники Пилату, – что ты не находишь Его достойным смерти по твоим законам: у нас есть свой закон, по коему Он должен быть казнен, ибо выдавал Себя между прочим и за Сына Божия».

Но обвинение сие произвело в Пилате совершенно другое впечатление, нежели какого надеялись враги Господа. Прокуратор, по замечанию Евангелиста Иоанна, услышав сие слово (Ин. 19,8), то есть, что Иисус Христос называл Себя Сыном Божиим, еще более испугался. Прежде сего он опасался осудить невинного человека, праведника, необыкновенного мужа, может быть, любимца богов; теперь страшился произвести приговор над Сыном Божиим, за Которого Бог-Отец Его, кто бы он ни был, должен жестоко отомстить ему, ибо Пилат, как язычник, нисколько не чужд был той веры, что боги иногда в виде человеческого нисходят на землю и рождают полубогов. Такими полубогами почитались у язычников: Геркулес, сын Юпитера и Алкимены; Ромул, сын Марса и Реи Сильвии; Эней, сын Венеры и Анхиза. Ничего невозможного не находил он и в том, чтобы такой полубог явился в Иудее, подвергся узам и предстал его судилищу, ибо языческая религия допускала, что и самые боги принимали иногда вид бедных странников, а полубоги подвергались иногда даже оскорблениям и унижению. Напротив, догадкою, не полубог ли находится

в его судилище, изъяснялось для Пилата многое, чего он прежде никак не мог решить: и чудный сон жены его в пользу Узника, ей неизвестного, иноверного, и необыкновенные поступки Господа: Его молчание, необыкновенное терпение, высота мыслей и чувствований.

Полный страха и сомнения Пилат входит немедленно в преторию, дав знак следовать за собою Иисусу Христу.

«Откуда Ты?» – был первый вопрос. Не о месте рождения спрашивалось, – ибо Пилат слышал уже, что Господь родился в Галилее, – но о том, какого Он происхождения, от людей ли рожден или от богов? Требовалось, чтобы Господь открыл Свое происхождение, естественное или сверхъестественное.

Если и прежде не трудно было Иисусу Христу преклонить на Свою сторону судию, то теперь еще легче. Несмотря на свой скептицизм, суеверный испуганный язычник как будто готов был верить всему, что бы ни было сказано Узником чудесного о Своем происхождении. Но Иисус – **ответа не даде ему!**.. (Ин. 19,9.)

Достоин ли был знать святейшую из тайн суеверный язычник, который спрашивал Господа не по любви к истине, а по страху? Он, решившись положить душу Свою за спасение мира, вместе с сим отрекся от всех сверхъестественных средств к Своему освобождению; Ему угодно было, чтобы Его судили как человека.

Поскольку для Пилата причины, по коим он не получал теперь ответа, были недомыслимы, а для гордости римского всадника такое молчание казалось вовсе не уместным в Узнике, он, желая прервать молчание, с надменностью спросил: **«Как? Ты и мне не ответствуешь? Разве не знаешь, что я имею власть распять и отпустить Тебя?»**

Самохвальство судии не осталось без обличения, которое, без сомнения, столько же казалось необыкновенным для Пилата, сколько было прилично Господу. **«Отвеща Иисус: Не имети власти ни единыя на Мне, аще не вы ти дано свыше: сего ради предавый Мя тебе волий грех имать»** (Ин. 19,11).

Словами: «Более греха на том, кто предал Меня тебе», – освещена пред Пилатом, сколько нужно было для его вразумления, будущая судьба врагов Иисусовых и его собственная.

Совесть римлянина и на сей раз не была глуха. Смелое указание Иисусом Христом на Судию небесного, явный намек на несчастную участь, ожидающую Его гонителей, твердая решимость исполнить Свое великое предназначение, прозрение в тайну совести Пилатовой, кажется, совершенно устранили неблагоприятную перемену мыслей, могшую произойти в последнем, по причине молчания Господа. Посему, по выходе из претории, Пилат, по замечанию святого Иоанна (Ин. 19, 12), не только не переменил прежнего вида защитника невинности Иисусовой, но начал еще усерднее искать средства спасти Его от смерти. Молчание Евангелиста не позволяет сказать решительно, к чему именно обращался прокуратор для достижения сей цели и что говорил первосвященникам.

Как бы то ни было, защита Пилата была так действительна, что первосвященники вынуждены были найти причину обвинения, неотразимую для прокуратора.

«Итак, ты хочешь, – кричали гордо первосвященники, – избавить Его от казни? Но знай, что если ты Его отпустишь свободным, то ты не друг кесарю: всякий, кто называет себя царем, есть противник кесарю» (Ин. 19,12).

При сих неожиданных словах внезапно исчезла вся твердость Пилата...

«Друг кесарев» – было такое наименование, коим гордились первейшие люди в Риме. Сам Ирод Великий почитал себе за особенную честь именоваться и слыть в народе другом Августа.

«Если освободишь Его, то ты враг кесарю», – слова сии, сказанные пред всем народом устами целого синедриона, были ужаснее грома. Из них открывалось, что первосвященники готовы перенести дело на суд кесаря, дабы там обвинять вместе с Иисусом Христом и Пилата как изменника,

который не радит о чести и выгодах своего владыки. Для Пилата сии угрозы имели силу, т.к. он не был свободен от проступков, за которые можно было обвинять его пред кесарем.

Тем более, что Рим стонал тогда под железным скипетром Тиверия – чудовища, которое, не имея доверия и жалости даже к родным, питаясь сомнениями и притворством, терзало всякого по самым маловажным подозрениям.

Да и необузданная, наущенная фарисеями толпа становилась час от часу наглее и мятежнее. Свирепый крик ее уже предвещал, что она готова позволить себе все роды насилия.

Подобные мысли могли смутить и не Пилата – человека с не вовсе заглушенною совестью, имеющего понятие о справедливости и некоторое расположение к ней, но с детства привыкшего, по примеру вельмож римских, ставить свою пользу выше нравственности, смотреть не столько на совесть, сколько на обстоятельства, угождение кесарю почитать высшим законом своих действий, казаться справедливым, где можно то делать без вреда для себя, по крайней мере, важного; человека, не знакомого с истинной религией, с лучшими чувствованиями и надеждами рода человеческого.

Чтобы для защищения невинного отказаться всенародно от дружества с кесарем, презреть опасность собственной жизни – для такой высокой жертвы и в язычестве необходим был твердый дух Регула, бескорыстие Цинцинната; но дух Регулов и Цинциннатов давно оставил Капитолий, наполненный льстецами Августа и рабами Тиверия.

Присовокупим еще одну мысль. Если некоторые еще из древних учителей Церкви предполагали, будто Иуда продал своего Учителя в надежде, что Он посредством сверхъестественных сил освободит Себя из рук Своих врагов, то еще основательнее предположить, что Пилат, решившись осудить Иисуса Христа на смерть, вероятно, надеялся при сем, что боги, если Он их сын, не умядут спасти Его от казни, столь поносной для их божеского достоинства.

Легко понять, каким образом *крик народа и первосвященников* превозмог ослабевшее усилие судии.

Решившись уступить необходимости, Пилат взошел на судейское место для окончания суда. Господь, доселе остававшийся в претории, был выведен на литостротон для слушания приговора. Обвинители также приблизились; место шума заступила тишина: все ожидали, что скажет прокуратор и чем кончится дело, столь необыкновенное.

«**Се Царь ваш!**» – воскликнул невольно Пилат при взгляде на Того, Которого надлежало теперь, вопреки совести и желанию, осудить на смерть.

«Распятъ, распятъ Его!» – закричала буйная толпа, желая прекратить зрелище и для нее нелегкое.

«Как? Царя вашего распятъ?..»

«**Распятъ, распятъ Его!**»

«**У нас нет**, – присовокупили первосвященники, – **царя, кроме кесаря**».

Не так говорили они в синагогах своих; там всего чаще повторяли: «У нас нет другого царя, кроме Бога». Притом все ожидали царя – Мессию, все надеялись, что он свергнет иго кесаря; о сем молились в храмах, в домах и на пути, старцы и дети, утром, в полдень и вечером. И между тем для погубления Иисуса целый синедрион пред всем народом не устыдился признать себя законным рабом кесаря, коего ненавидел.

Теперь надлежало произнести приговор «на праведника, любимца, может быть, сына богов». Мысль сия все еще была слишком тяжела для римлянина. В таком случае ищут какой бы то ни было опоры своей совести. Пилат, к сожалению, скоро нашел ее. У иудеев было обыкновение, обратившееся даже в закон, что если находили где-либо мертвое тело, то старейшины ближайшего города должны были над головою юницы омыwać руки, говоря: «**Руки наши не проливали сей**

крови, и глаза наши не видали убийства» (Втор. 21,6). Пилат, прожив немалое время в Иудее, знал о сем обыкновении, подобное коему было и у язычников, которые в знак своей невинности и для очищения себя от грехов, также употребляли омовение. Бедный мужеством и слабый совестью, судья-язычник решился всенародно обратиться к сему обряду, который, доставляя некоторое успокоение его совести, был полезен теперь и тем, что стоящие в отдалении иудеи, которым за шумом не слышны были слова Пилата, могли из омовения судьей рук заключить, что он осуждает Иисуса Христа против воли.

«Я не повинен, – воскликнул Пилат, омывая руки, – я не повинен в крови Праведника Его! Смотрите вы! Вы принуждаете меня пролить ее: вам должно будет и отвечать за нее!»

Слова сии не могли быть произнесены иначе, как с самым глубоким и горьким чувством. Это был единственный в истории случай, что римский судья выражал с такой силой уверенность свою в невинности осуждаемого им на смерть узника. Если бы прокуратор не был сильно растроган, то одно самолюбие заставило бы его произнести приговор как можно короче, дабы не подать вида, что его к тому принуждают.

Буйный народ, несмотря на разъяренность свою, понял, чего хотелось прокуратору и каково состояние души его. Как бы желая пристыдить или ободрить малодушие прокуратора, все закричали: **«Кровь Его на нас и на чадах наших!»**...

Слова сии, ужасные сами по себе, представляются еще ужаснее, когда вспомним, что Иудеи, согласно учению пророков, твердо верили, что Бог за преступление родоначальников наказывает все их потомство. То есть теперь они сами прорекли проклятие себе и детям своим.

Наконец земной судья, видя, яко ничтоже успеваает, но паче молва (возмущение народное) вываает, произнес смертный приговор на Судию живых и мертвых.

Приговор сей, по обыкновению римского суда, состоял из кратких слов, что *такой-то за такое-то преступление осуждается на такую-то казнь*.

Заметим еще, что Пилат незаконным осуждением Иисуса Христа на смерть не избег опасности, которой страшился. Чрез четыре года после сего он вызван в Рим к суду вследствие жалоб, принесенных Иудеями, и, не имея возможности оправдаться, заточен в Вену, где погиб от самоубийства.

Участь другого судьи Иисусова, Ирода Антипы, была немного лучше Пилатовой. Подстрекаемый властолюбивой Иродией, он вместо тетрархии Галилейской начал домогаться в Риме царского достоинства над всей Иудеей, желая владеть ею нераздельно, по примеру отца своего, Ирода Великого. Но это домогательство приняло такой несчастный оборот, что Антипа вместо венца царского сослан был в ссылку, в Лион, где окончил жизнь свою в нищете и безвестности. Жена Пилата, Прокула, впоследствии приняла Крещение и, по Преданию, находится в числе святых по греческим спискам.

(Думается, что некоторым образом становится понятным, почему имя Пилата Понтийского – человека не святого – внесено в Символ веры).

КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА

Крестная казнь, на которую осужден был Иисус Христос, принадлежит к изобретениям бесчеловечным, коим и прославились восточные деспоты, и составляла последнюю в ряду казней самых ужасных. С Востока она перешла в Рим и следовала за победителями света всюду, доколе не была уничтожена Константином Великим. У евреев крестной казни не было: за некоторые преступления закон повелевал вешать на дереве преступников, но их не прибавляли гвоздями, и трупы при наступлении вечера надлежало снимать для погребения. В самом Риме распинали только рабов, которые там едва почитались за людей. Преступник сам должен был нести свой крест до мес-

та казни, подвергаясь все сие время насмешкам и побоям. Крест ставили прежде, а потом уже пригвозждали к нему преступника; отсюда выражения – *восходить, быть поднят, вознесены на крест*. Погребения для распятых не было.

Мучения распятых были ужасны. Надобно вообразить неестественное положение тела с простертыми вверх, пригвожденными руками, причем малейшее движение, необходимое для жизни, сопровождалось новой, нестерпимой болью. Тяжесть повисшего тела отчасу более раздирала язвы рук, кои поминутно становились острее и жгучее. Кровь, лишившись естественного круговращения, устремлялась к голове и сердцу, производя в первой кружение, а в последнем томление, мучительнейшее самой смерти. Несчастный стонал в муках нередко до трех, а иногда до шести и более дней. Чаша с умерщвляющим напитком была бы величайшим благодеянием в сравнении с крестной казнью.

Возможно ли (так думали многие), чтобы Мессия подвергся такой участи? *«О, проклят всяк, висяй на древе!»*

Итак, Иисус Христос после осуждения Его немедленно был предан воинам, кои у римлян совершали все казни. Первым делом их было снять с Него багряницу и одеть Его в собственную Его одежду: сего требовал обычай и, может быть, жалость. Молчание Евангелистов не позволяет сказать решительно: был ли снят при сем и терновый венец или оставался на голове Господа до снятия Его Самого со креста. Впрочем, древнее обыкновение изображать Иисуса Христа на кресте в терновом венце имеет вид исторического предания. В подтверждение его можно сказать, что распинатели имели достаточное побуждение оставить венец на главе Господа, так как, по их образу мыслей о Нем, он был весьма кстати, выражая то же самое, о чем говорила надпись.

Потом воины, следуя обыкновению, возложили на Иисуса Христа крест, и повели Его за город, где производились казни. Для такого шествия обыкновенно избирались главнейшие улицы, и оно с намерением делалось как можно продолжительнее; но теперь краткость времени не позволяла ни малейшей медленности...

Когда приблизились к городским воротам, Иисус Христос изнемог до того, что не в силах был далее нести Своего креста и, как говорит древнее предание, преклонился под ним. Человеколюбие ли римского сотника, распорядившегося казнью, или бесчеловечие Иудеев, опасавшихся, что жертва их злобы может умереть до казни, были причиною, только воины решились облегчить участь Иисуса и, вопреки обыкновению, возложить Его крест на другого. Провидение не умедлило послать для сего человека, некоего Симона, родом или прозванием Киринейского, который, возвращаясь из села, встретил стражу, ведущую Иисуса, при самом выходе ее из города. Воины тотчас захватили его и заставили нести крест Иисусов. Поручение тягостное и, при настоящих обстоятельствах, чрезвычайно бесчестное; а посему весьма вероятно догадка некоторых, что Симон был из числа последователей Иисуса Христа и при встрече с Ним обнаружил какой-то знак сострадания, вследствие чего воины сами или по внушению Иудеев решились возложить на него крест. По крайней мере, три Евангелиста (Мф. 27,32; Мк. 15,21; Лк. 23, 26) не без причины почли нужным предать потомству имя и род человека, который нес крест Господа, и сей причины должно искать в том, что Симон нес крест не по одному принуждению, а и с любовью к Распятому на нем; или в том, что он впоследствии, по крайней мере, совершенно узнал цену креста Иисусова и носил его уже до конца своей жизни. Св. Марк упоминает еще, что Симон был отцом Александра и Руфа. Это два человека, которые, по крайней мере, во время написания Маркова Евангелия, принадлежали к числу христиан и были всем известны по своим добродетелям, иначе упоминание о них не имело бы никакой цели. Руф сей, должно думать, есть тот самый, коего апостол Павел в Послании к Римлянам (16, 13) называет *избранным в Господе* и коего память он столько уважал,

что мать его именовал своею матерью. Такого семейства был главою Симон, удостоенный Провидением высочайшей и единственной чести – разделить с Господом тяжесть Его собственного креста!..

Наконец достигли Голгофы, или лобного места. Так называлась одна из горных северо-западных возвышенностей, окружающих Иерусалим, на коей производились казни и которая с сих пор должна была соделаться самым священным местом на земном шаре. Древнее предание Иудейской церкви утверждало, что на сей горе погребена была глава Адама; и вот над сею главою должна была пролиться теперь очистительная кровь Адама второго (отсюда и обыкновение изображать под крестом главу и крест). Здесь же Авраам поднял жертвенный нож на своего единокровного Исаака; и вот теперь над Единородным Сыном Божиим имело на самом деле совершиться то, что в Исааке послужило токмо к преобразованию будущего.

Между тем как воины ставили и укрепляли кресты, Иисусу Христу дано было, по древнему обычаю, питье, состоящее из вина, смешанного со смирною. Такое смешение, производя помрачение рассудка, делало не столь чувствительными страдания распятых. Судя по тому, что в числе последователей Иисуса Христа было довольно людей весьма богатых и усердных, надлежало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будет приятно, по крайней мере, не отвратительно; между тем оно было горько, как желчь, и кисло, как уксус. Обстоятельство сие заставляет думать, что сим пиением распорядились враги Иисуса Христа и что мирра и вино употреблены были самые худые.

Не была ли даже употреблена при сем случае настоящая желчь и уксус? И вино могло быть названо уксусом, по сильной его кислоте, и мирра желчью, потому что она весьма горька.

Господь принял в руки чашу с пиением, но, отведав, отдал назад. Питье, омрачающее чувства, было недостойно Того, Кто един за всех пил чашу гнева Божия.

Когда кресты были утверждены в земле, воины, следуя обыкновению, сняли с Иисуса всю одежду, взяли тело Его, приподняли на крест, распростерли руки и начали их прибивать к дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вместо воплей и стонов Распинаемого из Его уст слышалось другое: **«Отче, прости им! Не велят бо, что творят».**

По совершении казни над главами распятых по обыкновению прибиты были выбеленные дощечки, на коих изображалось их имя и преступление. Над главою Господа, вместо изъяснения вины, сверх чаяния, увидели следующие двусмысленные слова: *«Иисус Назорянин, Царь Иудейский».* Притом надпись сия была на Латинском, Греческом и Иудейском. Так поступлено было с особенным намерением, по приказанию самого Пилата. Судя по надписи, каждый гораздо скорее мог подумать, что это действительный царь Иудейский. Три языка в надписи – некая торжественность – еще более располагали думать, что Распятый есть важное политическое лицо, а, следовательно, подвергали гордый синедрион еще большему осмеянию.

Вскоре после распятия Господа среди ясного полдня небо вдруг покрылось мраком. Мрак сей походил на солнечное затмение, впрочем, нисколько не был его следствием, т.к. Пасха иудейская всегда совершалась во время полнолуния, когда луна не может находиться между землей и солнцем, от чего происходят солнечные затмения. По мнению Златоуста, Феофилакта и Евфимия, мрак во время распятия Иисуса Христа происходил от сгущения облаков, произведенного сверхъестественной силой.

Необыкновенное помрачение воздуха, следовавшее за распятием Господа, должно было заключить хульные уста врагов Его и произвести в них впечатление самое мрачное. Если они не почитали сего явления следствием бесчеловечия, оказанного Праведнику, то, сообразно господствовавшим понятиям, не могли не видеть в нем предвестия общественных бедствий, тем более печального и ужасного, что оно случилось в день праздника самого светлого. Особенно тьма могла про-

светить многих из Иудеев, когда увидели, что, начавшись с распятием Иисуса Христа, она окончилась с Его жизнью, потому что обстоятельство сие яснейшим образом показывало, что естественным, по-видимому, событием управляет сила сверхъестественная, Божия, и что свет мира стихийного померк потому, что на кресте угасал Свет мира духовного.

Для почитателей Иисуса Христа помрачение воздуха и произведенная им тишина в природе были благоприятным случаем приблизиться ко кресту. Это были, по свидетельству Евангелистов, все знакомые Господу. В частности: многие жены Галилейские, Саломия, жена Зеведея, мать Иакова и Иоанна, Мария Магдалина, Мария, сестра Богоматери, мать Клеопы, Иакова и Иосии, Иоанн, ученик и друг Иисусов, Мать Господа.

Богоматерь, св. Иоанн, Мария Клеопова и Мария Магдалина, презирая страх и опасность, подошли так близко, что Господь не только мог видеть их, но и говорить с ними (Ин. 19,25). Ужасный вид для сердца матери! Дружелюбное сердце Иоанново также терзалось печалью.

Впрочем, Евангелисты не говорят, чтобы Мать Господа и друзья Его рыдали. Самая горесть их была выше слез: кто может плакать, тот еще не проникнут силою всей скорби, к какой способно сердце человеческое.

И для Иисуса Христа взгляд на Мать был новым мучением. Переходя непрестанно из одной страны в другую для проповеди, Он не мог исполнять домашних обязанностей сына, продолжал, однако же, быть надеждою и утешением Своей Матери даже в земном отношении. Теперь Мария оставалась Матерью уже не Иисуса, всеми любимого, уважаемого, Коего страшился сам синедрион, Который составлял предмет надежд для всего Израиля, – а Иисуса, всеми оставленного, поруганного, окончившего жизнь на Голгофе, вместе со злодеями!..

Надлежало преподать какое-либо утешение, однако же, так, чтобы оно не подвергло утешаемой преследованию врагов, из коих многие находились еще у креста. Каких бы не позволили они себе дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Мать Иисуса! Господь не употребил сего наименования.

«**Жено**, – сказал Он Матери, – **се сын твой**». Взгляд на Иоанна объяснил сии слова. Потом, указуя взором на Мать, сказал Иоанну: «**Се мати твоя**» (Ин. 19,26-27). И с этого времени, как повествует Евангелие, Иоанн принял Богоматерь в дом свой и заботился о Ней до конца дней Ее.

Между тем, силы Божественного Страдальца на кресте угасали вместе с жизнью... Угасающий взор все еще стремился к небу, но оно было мрачно.

«**Ёлон, Ёлон, лама савахвани!** (Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?)» Ответа не было... **Он заключался в наших грехах: Господь, по замечанию св. Киприана, для того вопрошил Отца, дабы мы всегда вопрошали самих себя и познали свои грехи.**

К прочим мучениям Господа присоединялась и мучительная жажда, следствие великой потери крови, – предвестница в распятых близкой смерти. Изнемогая от нового мучения, Божественный Страдалец воскликнул: «**Жажду!**...»

Жалобный вопль сей тронул одного из воинов. Он тотчас напоил уксусом губку и, воткнув на иссоповую трость, приложил ее к устам Иисуса... Сотник не препятствовал человеколюбию подчиненного, будучи готов позволить и более, потому что распятый Праведник час от часу возбуждал его внимание и уважение.

Вкусив несколько прохладительного питья, Господь паки воскликнул громко: «**Совершился!**» Это был последний предел судеб Божиих. Господь, видя, что совершилось и что оставалось еще претерпеть для блага человечества, видя, наконец, исполнение всех великих судеб Божиих, и, как победитель, который «**истоптал уже точно ярости Божией**» (Ис. 63,2), возведши взор к небу, сказал: «**Отче, в руки Твои предаю дух Мой!**...» При сих Божественных словах глава Его преклонилась (как обыкновенно бывает с умирающими), и Он «**испустил дух**» (Ин. 19,30; Лк. 23,46).

Так окончилась жизнь, коей подобной другой не было и не будет на земле!

Одна только вечность раскроет вполне то, что совершилось теперь на малом холме Голгофском. Апостол Павел говорит, что на кресте расторгнуто рукописание грехов человеческих (Кол. 2, 13-14): оно расторгнуто в ту самую минуту, как Господь изрек: «**Говершишася!**»

Чудесные знамения с их последствиями

Доколе Богочеловек оставался в живых, природа как бы не хотела возмущать последних минут Его необыкновенными явлениями и страдала с Господом своим безмолвно, одно только солнце, по выражению Златоуста, не могло освещать позорище бесчеловечия. Но едва Господь предал дух Свой в руки Отца, открылся ряд знамений, которые всему миру показали, что один из крестов, стоящих теперь на Голгофе, несравненно святее храма Иерусалимского.

Первым знамением было землетрясение, столь сильное, что многие из каменных скал, коими наполнена Иудея, расселись и гробницы, в них заключавшиеся, открылись. Только великий Правитель мира, повелевающий земле *трястися*, мог повелеть ей сотрястись в ту самую минуту, когда Иисус Христос предавал дух Свой.

Страшное само по себе землетрясение было еще страшнее, если подземные удары (как должно предполагать) последовали вдруг за смертью Иисуса Христа. Заколебавшиеся от землетрясения кресты должны представлять в это время самое разительное зрелище: издали могло казаться, что распятые силятся сойти со крестов.

Непобедимая сила креста не остановилась на трепещущей земле, проникла в храм Иерусалимский и произвела явление, из которого *для имеющих очи видеть* весьма ясно открывалось, что Мессия, ожидаемый народом Иудейским, уже пришел. **Внутренняя завеса храма, отделявшая Святое Святых от Святилища, внезапно расторглась теперь с верхнего края до самого низу (так что ковчег завета, херувимы, жезл Аарона, скрижали завета, кувшин с манной, хранившиеся во Святом Святых, коих никому не позволено было видеть под опасением смерти, теперь, по необходимости, были видимы для каждого находившегося в храме священника).**

Чтобы вполне понять внутреннее отношение сего события к смерти Мессии и то действие, которое оно могло иметь на умы Иудеев, должно привести на память состав храма Иерусалимского, образ мыслей Иудеев о храме и Мессии и вообще дух религии Моисеевой.

Святое Святых было последнею из трех частей храма, неприступною для самых священников, коим позволялось входить только во *Святое* (вторую часть), и в мнении Иудеев означало небо, где обитает Сам Бог. Завеса, отделявшая Святое Святых, состояла из ткани всех возможных цветов, по сказанию Флавия, изображала собою весь мир и поднималась для одного первосвященника не более как однажды в год, в день *очищения*, когда он с кровью тельца, закланного за грехи всего народа, являлся самому лицу Божию (Евр. 9,7). Над ковчегом завета предполагалось невидимое обитание Иеговы, Который как Царь народа Еврейского, избранного Им в особенное достояние, открывал иногда с этого места волю Свою. В сем отделении храма вовсе не было света: символ непостижимости Иеговы, Который еще Моисею сказал, что человек не может видеть лица Его, не подвергаясь смерти (Исх. 33,20). Посему-то вход во Святое Святых, исключая первосвященников, возбранен был всякому, под опасением смертной казни.

С другой стороны, Иудеи ожидали, что Мессия искупит народ Израильский от всех грехов, так что не нужно более будет никаких жертв (Лк. 1,76-77), почему, кроме других имен, и называли Его великим первосвященником. Верили также, что Мессия *откроет лице Иеговы*: объяснит все сомнения касательно религии, установит новое, лучшее богослужение; что устройство храма при сем или переменится, или вовсе уничтожится, ибо Он Сам *будет вместо храма, а плоть* Его вместо завесы.

Итак, разодранная рукою Самого Бога завеса и открытое Его невидимую силою Святое

Святых являли всем, особенно священникам, что Бог не благоволит более *обитать во мгле* (Евр. 8,5-6), не хочет уже быть чтимым так, как Его чтили дотолe – кровию козлов и тельцов (Евр. 10,4-5 и 7), что истинная, единая жертва – Агнца Божия, вземлющего грехи мира, принесена уже на Голгофе за весь мир, вследствие чего неприступный престол страшного Иеговы должен сделаться престолом благодати, приступным для всякого (Евр. 10,29; 7,19-20).
(Свт. Иннокентий, архиепископ Херсонский. Последние дни земной жизни Иисуса Христа).

Каким образом крестная смерть Иисуса Христа избавляет нас от греха, проклятия и смерти, Священное Писание объясняет нам это через сравнение Иисуса Христа с Адамом. Адам есть глава всего человечества в естественном отношении, так как от него произошли все люди; Иисус Христос, как основатель благодатного царства, есть глава всего человечества в духовном отношении. Через Адама все люди подверглись греху, проклятию и смерти, через Иисуса Христа все истинно верующие в Него освобождаются от рабства греха и последствий его. Принесши Себя в жертву за людей, Иисус Христос, как Богочеловек, вполне удовлетворил правосудию Божию за грехи всего мира. Приняв на Себя проклятие и смерть, Он не только освободил от них верующих в Него, но и обновил самую природу их, сообщив им новую, благодатную жизнь и все дары Святого Духа.

Поэтому апостол говорит, что плоды искупления, совершенного Иисусом Христом, несравненно выше последствий греха и осуждения: **«Если преступлением одного (т.е. Адама) смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности (т.е. верующие во Христа) будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа»** (Рим. 5,17), т.е. если смерть, вошедшая в мир через грех первого человека, сделалась господствующей между людьми, то тем более благодатная жизнь, получаемая через веру в Сына Божия, делается господствующей между верующими, так как Спаситель мира, лицо Божественное, бесконечно выше человека, а, следовательно, и плоды искупления, совершенного Им, несравненно выше последствий греха человеческого.

Священное Писание ясно свидетельствует об избавлении верующих в Иисуса Христа от греха, проклятия и смерти через Его крестную смерть.

Так, об избавлении от **греха** апостол говорит: **«В Нем, или через Него (т.е. Иисуса Христа), мы имеем искупление кровью Его, прощение грехов, по богатству благодати Его»** (Ефес. 1,7).

Об избавлении от **проклятия**: **«Христос искупил нас от клятвы (т.е. от проклятия) закона, сделавшись за нас клятвою»** (т.е. принявши на себя проклятие) (Гал. 3,13). Здесь под законом разумеется закон «Моисеев», подвергавший проклятию тех, которые не исполняли всех постановлений Его (Гал. 3,10; Втор. 27,26). А так как никто не мог совершенно исполнять всех предписаний закона, то все люди находились под проклятием его. Это проклятие Спаситель мира принял на Себя, благоволив претерпеть за людей «крестную» смерть, так как, по определению самого закона, каждый умирающий крестною смертью, подлежал проклятию: **«проклят всяк висящий на древе»** (Втор. 21,23). Здесь между прочим заключается причина того, почему Сыну Божию угодно было, для спасения мира, претерпеть именно «крестную» смерть.

Об избавлении от **смерти**: **«Поелику³³ дети причастны плоти и крови, то и Он**

(т.е. Спаситель мира) также воспринял оныя, дабы смертию лишить силы имеющего державу смерти, т.е. диавола, и избавить тех, которые от страха смерти чрез всю свою жизнь были подвержены рабству (греха)» (Евр. 2,14-15). Здесь под детьми разумеются вообще все люди, как рождающиеся в младенческом состоянии. Под плотью и кровью разумеется человеческое тело, состоящее из плоти и крови. Это смертное тело, какое все люди получают от рождения, воспринял на Себя и Христос, чтобы телесною смертию Своею сокрушить имеющего силу смерти диавола и спасти от греховного рабства тех, которые всю жизнь находились в этом рабстве.

Иисус Христос со своей стороны пострадал за всех людей, но Его страдания могут быть спасительны только для тех, которые сами добровольно принимают участие в Его страданиях и стараются усвоить себе спасение, приобретенное им, **сообразуя смерти Его** (Фил. 3,10). Что Иисус Христос со Своей стороны принес Себя в жертву «за всех», об этом ясно свидетельствует Священное Писание. Так, апостол Иоанн говорит: **«Той очищение есть о гресех наших, не о них же точию, но и всего мира»** (1 Ин. 2,2). Апостол Павел тоже говорит: **«Христос за всех умре»** (2 Кор. 5,15). Но чтобы смерть Христова была спасительна для всех, необходимо каждому из людей сообразоваться с нею в жизни своей, т.е. терпеливо переносить все несчастья и страдания и быть готовым за истинную веру в Бога и во Христа пожертвовать самую жизнь свою, если это необходимо.

Юридическая теория Искупления, ее отражение в “Пространном Православном Катихизисе”

Изложение учения об Искуплении представляет собой наименее удачную часть “Пространного Катихизиса”. Именно в этой части, по требованию обер-прокурора Святейшего Синода графа Н. А. Протасова вопреки желанию свт. Филарета, в текст “Катихизиса” были внесены формулировки, характерные для так называемой юридической теории Искупления, созданной латинским богословием.

Тенденции к выражению тайны Искупления в юридических категориях, проявившиеся в западном богословии уже во II – III вв., были обобщены известным схоластом Ансельмом Кентерберийским (1033 – 1109), создавшим стройную богословскую теорию.

Суть юридической теории сводится к следующему. Грех прародителей есть преступление справедливого порядка, установленного Богом, и потому представляет собой оскорбление Божественного величия. Масштабы виновности человека определяются в соответствии с рангом оскорбленной стороны, то есть Бога. Бесконечное величие и справедливость Бога требуют и бесконечного искупления совершенного против Него преступления. Однако конечность человеческого существа не позволяет ему выполнить условия бесконечного искупления, даже если все человечество в целом будет принесено в жертву ради удовлетворения Божественной справедливости. Поэтому Сам Бог в Лице Своего Сына берет на себя принести безмерный выкуп, дабы справедливость Божия была удовлетворена. Христос был осужден на крестную смерть вместо грешного человечества, чтобы человек был прощен Богом и вновь получил доступ к благодати.

Вожди реформации М. Лютер и Ж. Кальвин говорили уже не только об удовлетворении Божественной справедливости, но и о гневе Божиим, который смогла утолить лишь смерть Христа на кресте⁹.

В русскую богословскую науку эта западная теория, впрочем в значительно смягченном варианте, проникла через Малороссию в XVIII-XIX вв. Митрополит Макарий (Булгаков) в своей богословской системе активно пользовался этой терминологией, однако наполнял ее иным, православным смыслом.

Критики юридической теории указывали на ее неприемлемость для православного богословия, поскольку эта теория:

1) произвольно экстраполирует правовые отношения, существующие в человеческом обществе, на отношения между Богом и человеком, тогда как Бог не является членом человеческого общества и на него не распространяется действие законов человеческого общежития;

2) строится на понятиях (“заслуга”, “оскорбление величия”, “уплата долга”, “удовлетворение”), не имеющих основания в Священном Писании и редко встречающихся у свв. отцов;

3) редуцирует искупление к единственному событию земной жизни Господа Иисуса Христа – к смерти на Кресте, лишая тем самым все прочие события жизни Спасителя сотериологической значимости;

4) создает представление о Боге, несовместимое с данными Откровения, ибо по нравственным основаниям невозможно принять, что смерть Единородного Сына могла доставить удовлетворение правосудию Отца;

5) основывается на противопоставлении свойств Божественной природы – милости и любви, с одной стороны, правды и справедливости – с другой, а также и действий этих свойств, что в Боге, как Существо абсолютно простом, представляется совершенно невозможным;

6) противопоставляет свойства Божеского естества (правду и справедливость) самому Богу, превращая их в некую превосходящую Бога и довлеющую Ему реальность, что несовместимо с представлением о Боге как о Существо абсолютно свободном.

7) рассматривает спасение как событие совершенно внешнее по отношению к человеку, драма Искупления оказывается ограниченной отношениями между Отцом и Сыном, человек же со своей свободой никак в нем не участвует.

В “Пространном Катихизисе” влияние юридической теории проявляется в стремлении выразить сущность Искупления в юридических категориях:

*“Его вольное страдание и крестная смерть за нас, будучи бесконечной цены и достоинства, как смерть безгрешного и Богочеловека, есть и совершенное **удовлетворение правосудию Божию, осудившему нас за грех на смерть, и безмерная заслуга, приобретающая Ему право, без оскорбления правосудия, подавать нам грешным прощение грехов и благодать для победы над грехом и смертью**”¹⁰.*

Для святоотеческого богословия свойственно говорить о грехе и спасении не в юридических терминах, а в категориях природы. Грех в православном понимании – это не преступление или оскорбление в юридическом смысле, а прежде всего болезнь человеческой природы, ее повреждение. Поэтому спасение здесь мыслится как освобождение от болезни, исцеление и преображение человека.

Православное богословие не считает возможным свести Искупление к некоему мгновенному акту. Вся земная жизнь Спасителя, от момента Воплощения до Вознесения, имеет искупительное значение. Каждое событие земной жизни Господа является исполнением предыдущего и без него невозможно.

Сщмч. Иринеи Лионский сформулировал фундаментальный сотериологический принцип православного богословия, согласно которому Бог

“сделался Тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он”¹¹.

Цель пришествия Христа в мир – соединить человека с Богом таким образом, чтобы каждый из нас мог стать “*причастником Божеского естества*” (2 Пт. 1, 4). Только в соотношении с этой конечной целью может быть правильно понято учение об Искуплении.

Спасение человечества во Христе не могло совершиться автоматически, с насилием над человеческой природой, с устранением человеческой свободы. Спасение предполагает изменение образа бытия человеческой природы, но такое изменение не может быть навязано человеку извне, не может осуществиться помимо его собственного свободного выбора, ибо праведность, не обусловленная сознательным и свободным выбором, не имеет пред Богом никакой нравственной ценности.

Грехопадение по факту состояло в преслушании: Адам нарушил Божественную заповедь, и это привело к рассогласованию воли человеческой с волей Божией. Искупление означает обратное движение, возвращение в то состояние, из которого выпал Адам, что возможно только на пути абсолютного послушания Богу. Путь послушания, который должен был пройти Господь по Своему человечеству, предполагал принятие всех последствий нашей падшести вплоть до смерти. По человечеству Он претерпевает все искушения, которые только может претерпеть человек и которые влекут человека ко греху, но все эти искушения Господь преодолевает, побеждая их не только силою Своего Божества, но и при участии Своей человеческой воли, свободно подчиняющейся воле Божественной. Явив абсолютное послушание Отцу, Христос приводит Свою человеческую волю в совершенное единение с волей Божией, преображает Свою человеческую жизнь в сопричастность Божественной любви и свободное подчинение Божественной воле.

Участвовать в страданиях Иисуса Христа мы можем и должны:

Во-первых, через веру в Его страдания.

Во-вторых, через участие в таинствах, установленных Им. (Через таинства, установленные Иисусом Христом, сообщается верующим в Него благодать Божия, а она исходатайствована для верующих у Бога Отца крестными страданиями Сына Божия. Поэтому значение таинств основано на силе спасительных страданий и смерти Иисуса Христа. Следовательно, верующий, участвуя в таинствах, воспоминает при этом и самые страдания и смерть Христову, от которых зависят сила и значение их.)

В-третьих, через борьбу со своими страстями. Верующий, вступая в церковь Христову через крещение, вместе с тем принимает участие и в страданиях Иисуса Христа, признавая их спасительными для себя и других людей; через прочие таинства, принимаемые с верою, благодатная жизнь в нем сохраняется и под-

держивается. При этом необходимо стараться побеждать в себе порочные наклонности или страсти, а эта победа возможна для человека только при живой вере в Крест Христов, которая может поддерживать и укреплять человека.

«Те, которые Христовы, – говорит апостол, – распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5,24), (т.е. победили в себе страсти и похоти). И действительно, истинные последователи Христовы не могут допускать, чтобы в них образовывалась какая-либо страсть или похоть. Если и рождаются в них порочные мысли или желания, то они стараются всеми силами подавить их в себе. Распинать или побеждать в себе страсти и похоти возможно только через усиленное воздержание от них, через постоянную борьбу с ними. Так, чтобы победить в себе страсть гнева, необходимо поступать вопреки этой страсти, бороться с нею. При этом нужно представлять себе пример Самого Спасителя, Который не только не делал зла Своим врагам, но и на самом кресте молился Богу Отцу о прощении их.

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12,24).

Вопросы для самоподготовки:

1. Для чего в Символе веры прибавлено, что Сын Божий **вочеловечился**? Есть на это свидетельство Св. Писания?
2. Одно ли естество в Иисусе Христе? Одно ли лицо?
3. Как говорит Св. Писание о воплощении Сына Божия **от Духа Свята и Марии Девы**?
4. Кто была Дева Мария?
5. Пребыла ли действительно всегда Девою Пресвятая Мария? Каким еще великим наименованием чтит Пресвятую Деву Православная Церковь?
6. Что еще надлежит примечать о рождении Иисуса Христа от Пресвятой Богородицы?
7. По каким признакам можно было узнать родившегося Спасителя?
8. Какие чудеса творил Иисус Христос?
9. Каким образом Сын Божий совершил наше спасение? Какое было учение Христово? Каким образом оно бывает для нас спасительно?
10. Как произошло то, что Иисус Христос распят, когда учение Его и дела должны были возбуждать к Нему благоговение? Как проходило судилище первосвященников над Спасителем?
11. Почему сказано, что он распят при Понтии Пилате? Почему Пилат предал Иисуса Христа на распятие? В чем заключается вина Пилата?
12. Для чего прибавлено в Символе, что Иисус Христос страдал? Что происходило в Гефсиманском саду? В чем заключались Его голгофские страдания?
13. Какие чудеса последовали за крестной смертью Господа?

14. Почему упомянуто, что Он погребен?
15. Как Иисус Христос мог страдать и умереть, будучи Богом?
16. В каком смысле сказано, что Иисус Христос распят за нас?
17. Каким образом крестная смерть Спасителя избавляет нас от греха, проклятия и смерти?
18. Как мы можем участвовать в страданиях и смерти Иисуса Христа?